

Екатерина РУДИК

БЕЛАЯ КНИГА

Молюсь за тех и за других

- [Беспризорники](#) (1996)
- [Неотправленные письма детоубийцы](#) (1996)
- [Бабушка, подари квартиру](#) (1996)
- [Поминки со многими огорчениями](#) (1997)
- [Лишние люди](#) (1997)
- [Оказался безработным...без собственного желания](#) (1998)
- [Полоса отчуждения](#) (1998)
- [Миг невозвратного отбытия](#) (1998)
- [Феномен заветных субсидий](#) (1999)
- [Жить больше нет сил](#) (1999)
- [У нас что - блокадный Ленинград?](#) (1999)
- [За медуслуги заплатил - синяк под глазом получил](#) (2000)
- [Деньги в школу собирайте](#) (2002)
- [Милосердие у последнего приюта](#) (2001)

Все тайны в нас

- [Боевая подруга писателя Клипеля](#) (2002)
- [Мы правду вечную искали среди последней нищеты](#)
- [Мы с тобой неразлучны вдвоем](#) (2000)
- [Берегиня из Хабаровска](#) (1999)
- [Утомленные солнцем](#) (2000)
- [Все тайны в нас, в нас сумрак и рассвет](#) (1996)
- [Прикосновение к доброте](#) (1998)
- [Шла по улице женщина](#)

У этой беды разные лица. В основном детские. Дети нищих, дети пьяниц, дети-сироты, уличные дети. Если их собрать вместе, получится население нескольких городов края.

В ХАБАРОВСКОМ крае 1635 несовершеннолетних детей остались без попечения родителей. (Данные на 1 января 1996 года). Это на треть больше чем два года назад. Социальное сиротство – при живых родителях необратимо возрастает. Отмечается резкий рост случаев лишения родительских прав, отбирание через суд детей – таких более 600 человек. И что характерно идет омоложение сирот – 717 малышей, чей возраст от месяца до семи лет, не имеют ни мамы, ни папы.

Педагогов центра социальной адаптации уже давно не удивляют такие его питомцы, как Коля. Ему тринадцать лет, но он никогда не учился. Нет, Коля вполне здоров, по-мальчишески жизнерадостен и лукав. Биография беспризорника традиционная: от отцовских пьяных побоев, когда умерла мама, сбежал, будучи совсем малышом. С тех пор и бродяжничает, познав все перипетии вольной жизни. Последний раз его взяли при ограблении квартиры – стоял на «шухере» – и отвезли, как уже не раз бывало, в хабаровский приемник-распределитель. Сюда поступают дети, совершившие злодеяния – грабежи, разбои, изнасилования, убийства. К ним не применимо слово «преступник», ибо за правонарушения, совершенные в возрасте до 14 лет, закон исключает уголовное преследование.

Из 57 обитателей приемника большинство бездомных, доставленных милицией из подвалов, «колодцев», с вокзала. Грязные, в лохмотьях, голодные и, конечно же, без документов. Приемник-распределитель (Колины дружки называют его маленькой тюрьмой) переполнен. Бывает, что сюда за сутки привозят 13-17 детей, подчас в опасном для жизни состоянии, обмороженных. Пока их здесь лечат – у каждого второго чесотка, есть алкоголики, наркоманы, - милиция по городам и весям разыскивает родителей. Спустя месяц, тех, кто не совершал общественно-опасных деяний и чьи родители не найдены, переводят в центр социальной адаптации, который недавно начал действовать в Хабаровске.

Коля попал сюда впервые и увидел новую жизнь: чистота, порядок, пятиразовое питание, новенькая одежда и даже комнатные тапочки, он их сроду не носил. Дети школьного возраста каждое утро идут в школу № 46, но Коля не в их числе. Вместе с ним бьют баклуши еще восемь его ровесников, – они тоже никогда не учились. Читать немного, по слогам умеют, а считать деньги – ну просто замечательно. Однако юные тинэйджеры обречены на полную безграмотность. С девятилетним ребенком, если он не знает алфавита, а таких здесь почти половина, учителя справляются. Но заполнить шестилетний пробел в обучении никто не берется - в природе не существует методики обучения детей с грубо нарушенным жизненным циклом.

Смутное время, в котором живут дети из неблагополучных семей, породило новую категорию обитателей этих заведений. Педагоги не припомнят, чтобы от родителей убежали все дети разом - братья с сестренками или такое беспрецедентное явление, когда матери добровольно приводят своих чад в «маленькую тюрьму», мотивируя тем, что дома кормить нечем. Их, при живой матери, конечно, не берут. И тогда находят брошенными на вокзале.

Участившиеся случаи, когда малюток оставляют в подъездах, на площадях, как ни больно признаться, для милиции уже давно не нонсенс. На днях около остановки «Совкино» ко мне подошла молодая особа в калошах и с лиловым синяком под глазом: «Вы не видели здесь девочку? Дочку потеряла». Спрашиваю: «Когда?» «Дня два-три назад».

Вот так, будто кошку или сумочку. Но эта хотя бы ищет своего ребенка. Чаще наоборот. Доходит до того, что многодетные матери в органах опеки заявляют: «Готова сделать официальный отказ».

Подобное происходит преимущественно в неполных семьях. В крае их более 11600, как правило, остро нуждающихся и малообеспеченных. 22150 детей воспитываются в семьях, где одна мать, реже – отец. Не считаясь ни с какими законами гуманности, именно эти семьи чаще всего посещает безработица. В жизненном обвале безработный родитель в бессилии ищет выход из тупика. Тщетный поиск сопровождается раздражительностью, нервными срывами, а дети подвергаются постоянному

стрессу, нарушениям в нервно-психическом развитии. Подчас, по дороге к выживаемости, отчаявшийся родитель прибегает к временно утешающей бутылке, чего раньше никогда не делал. А в это время к безнадзорному ребенку приходит «на помощь» улица с ее соблазнительными и жестокими законами. Можно приводить десятки драматических ситуаций, когда родителям пьяницам стало не до детей, а женщина, извечная хранительница очага, отвергает свое назначение. Сильные духом матери не робеют, находят свет в конце туннеля. Но не каждому это дано, требуется поддержка.

В дни приема двери инспектора по охране детства не закрываются, в коридоре – толпы. Сюда со своими невзгодами идут усталые матери, и рефрен их просьб один – помогите, чтобы ребенку жилось лучше. Но, увы, инспектор может помочь только морально, ободряющим словом. Кого-то и оно утешает, а в основном приходится слышать гневный упрек «Никому до нас нет дела. Чем мои дети виноваты перед государством, только тем, что родились не вовремя».

Но вот еще одна обнадеживающая грань нашего бытия: среди посетителей – бабушки, родственники, друзья, соседи, кто хотел бы подставить плечо ребенку-сироте, не допустить его пребывания в детском доме. В крае в 1995 году взято в семьи под опеку, попечительство, на усыновление 925 детей, оставшихся без внимания родителей.

В краевом отделе по социальной защите и реабилитации детей подготовлен любопытный материал. Называется он «Социальный паспорт в защиту несовершеннолетних». В нем в цифрах, которые назывались выше, освещены все аспекты жизнедеятельности юного поколения, взаимосвязи и природа негативных явлений. Кроме таких «дежурных» причин, как пьянство, наркомания взрослых, из-за которых растет армия детей без попечения родителей, красной строкой просматривается новое, невиданное за последние 30 лет явление – массовое обнищание. Оно выплескивает на просторы городов края безнадзорных. Чтобы организовать эту массу, созданы диагностические центры, коррекционные школы, социальные группы, центры психического здоровья, растет сеть приютов, детских домов (за короткое время последних увеличилось с 12 до 26).

Как ни ощутима помощь государства, вот она, шокирующая реальность: в крае 54406 малообеспеченных семей, где воспитываются 105166 детей. Много это или мало? Если перевести данную цифру на картографический язык, то это составляет население городов Советской Гавани, Николаевска-на-Амуре, Вяземского, поселков Солнечного и Хора вместе взятых...

За этими цифрами – десятки тысяч ущемленных детских судеб. Не знаю, какой чиновник будет принимать решение по материалам «Социального паспорта». А вдруг он окажется человеком, который несет в себе «нечувствие» к детям. Исходя из постулата: ребенок, который испытал в детстве любовь, встретит жизнь тоже с любовью, всей силой души мне бы хотелось – а почему бы не помечтать, - чтобы этот печальный паспорт стал настольной, тревожной книгой в каждом муниципальном учреждении, в роскошных замках-офисах, выросших за годы революционных реформ в Хабаровске.

Преступно не знать с каким нравственным и образовательным багажом мы провожаем в XXI век наших детей, когда на глазах рушится извечная людская надежда на обновляющую, святую силу детства. (1996 г.)

НЕОТПРАВЛЕННЫЕ ПИСЬМА ДЕТОУБИЙЦЫ

[Все статьи](#)

В зале судебного заседания молодая мать стояла, понуриив голову. На жесткие вопросы судьи отвечала односложно: «нет», а чаще - «да, да», соглашаясь. Все сбивчивые слова отчаяния, страха, которые приготовила в свое оправдание пред ликом правосудия, вылетели, исчезли. Вот они, эти оставленные дома в черновиках и не сказанные на суде слова:

«Уважаемый суд! Меня обвиняют в ужасном злодеянии. Не знаю, как могла свершить такое. Не ждала, не чуяла. А ведь как я была совсем недавно счастлива – Маша и Катенька, две дочери-двойняшки, радость моя. Пусть я одна у них, но я сильная. На кусок хлеба заработаю, защиту, не дам в обиду и сделаю все, чтобы они были счастливы, - так думала я и верила в это. Даже тогда, когда осталась без работы, не сдрейфила, как другие. Ну, поплакала, дочек пожалела, а они помогли мне

укрепиться духом. У меня профессия в руках, не пропадем. Не догадывалась, что во мне зародилась еще одна жизнь. А когда узнала, предпринимать что-либо было поздно. Ну что ж, где двое - там и третий.

Я увидела сына месяца через два после родов и ужаснулась: как я могла родить такое чудовище? Огромная как шар голова, плеточки-руки и ножки, вместо детского плача резкий хрип. Врачи насчитали двенадцать болезней, таких, что не выговоришь, но запомнилось «внутриутробная инфекция». Врожденная, виновата мать, т.е. я.

Ровно год он находился в больницах, переводили из одной в другую. Первое время я навещала, а потом не ходила. Обо мне говорили «мать-кукушка» и всякое нехорошее. Но если бы кто-нибудь знал, чего мне стоило видеть это уродливое существо с огромной головой и с искривленным узким ртом от уха до уха – моего сына. Возвращалась, по дороге брала бутылку вина. И дома забывалась в слезах, а ведь раньше не прикасалась вот так одна. Подруги меня уговаривали, мол, откажись, имеешь право. У меня и правда никаких чувств к нему не было, только жалость, и я стала оформлять документы».

Таких записей-черновики в ученических тетрадях (накупила для дочерей, нынче они пойдут в первый класс) у Лидии Коваленко много. Она готовилась к суду. Соседка Татьяна ей подсказала: «На суде тебе дадут последнее слово, чтоб не забыла, если растеряешься, все запиши». И Лидия по наивности уверовала в это как в спасение.

В ту ночь, перед судом, до утра просидела на кухне, писала. Она не знала, как защитить себя. Вернее, не себя, а дочерей, которых ждет детдом. Перечитывала написанное, и получалось так, будто она не злодейка. Понимая всю бессмысленность этого занятия, бросала ручку. Снова перебирала собранные вещи в чемодане, которые пригодятся дочерям в их другой жизни, уже без нее. Но, представив, как после оглашения приговора ее берут под стражу, как кричат девочки, цепляясь за мать, продолжала на новом листочке: «Уважаемый суд...». И утром, закрывая квартиру, боялась, что не вернется. Но первый раз судебный процесс был перенесен из-за неявки свидетелей, медработников, кто пытался избавиться от ребенка-дауна, вручив его матери.

По факту обнаружения 15 января 1996 года трупа ребенка Сергея Коваленко с признаками насильственной смерти в квартире 76 на ул. Пожарского на Лидию Ефимовну Коваленко было возбуждено уголовное дело.

И вот сейчас свершится возмездие. Она получит срок в соответствии с фактом ее страшного преступления. Тридцатилетняя женщина, что сидит с покаянным лицом на скамье подсудимых, не готова к этому, и ее излияния на листочках ученической тетради правосудию решительно не нужны. По словам свидетелей-медиков, она была плохой матерью для сына и до его гибели.

С самого первого дня, как из больницы привезли ей домой больного мальчика, жизнь семьи пошла в другом измерении. Она тогда же заявила, что отказывается от ребенка. Но ее и слушать не стали. Предусмотрительно забрав казенные пеленку и одеяльце, удалились. Куда, к кому обращаться – не подсказали, и она не знала. Но, прежде всего, нужно было одеть это полуголое существо.

Она ни копейки не получила на сына от государства, ни единовременного пособия по родам, ни тогда, когда ребенок жил в материнском доме. Идти в соцзащиту, просить помощи на неполноценного, ей казалось постыдным.

Лидия не привыкла жить в нищете. Еще недавно, когда ее строительный трест процветал, она слыла лучшим штукатуром, на соревнованиях по профессии занимала призовые места. В 25 лет стала депутатом горсовета. А вот личная жизнь не сложилась. И с безработицей, рождением сына в дом пришла неприкрытая нищета и беда. Мать, единственная кормилица в семье, где четверо душ, оказалась связанной по рукам и ногам - оставить больного и на часок нельзя. Даже соседки, такие добрые, понимающие с неудовольствием оставались с ним, когда Лидии выпадал «калым».

Его недуги неизлечимы – это было понятно всем. В полтора года рост сына был как у шестимесячного, увеличивались лишь размеры головы, отеки на веках и настойчивей, неистовей хрипы. Было такое чувство, что он вот-вот умрет. Слабонервные, глянув на ребенка, отшатывались. Для оформления в спецбольницу требовались анализы, но Лидия с этим медлила. Нужен ли государству такой урод? Она в ответе за него, ей и расплачиваться.

Однажды, это была среда, Лидия, как заведенная, всю ночь носила его, хрипящего, на руках по квартире. Утром он уснул, а мать побежала по январскому морозу к парку Гагарина, где была назначена «калымная» встреча с клиентом по ремонту квартиры. Простояла в надежде на холодном ветру час

впустую. Вернулась усталая, замерзшая. Поставила рядом с детской кроваткой бутылку с молоком, попросила: «Девочки, если он захочет есть, покормите». И только согрелась, провалилась в глубокий сон, как рядом стал надрывно кричать проснувшийся ребенок.

Не помня себя, Лидия схватила первое, попавшее под руку...

«Бутылкой с молочной смесью емкостью 0,5 литра нанесла ребенку три удара по голове, о чем свидетельствуют ссадины в лобной части и височной, - это уже из акта судебно-медицинской экспертизы. – Нанесенная закрытая тупая травма головы повлекла ушиб головного мозга, его отек, приведший к смерти С.Коваленко. Вину в содеянном Л.Е.Коваленко признала полностью».

Никому не ведомо, какую судьбу оборвала своею рукою мать, осужденная решением суда Индустриального района г. Хабаровска на пять лет лишения свободы. Условно. (1996 г.)

БАБУШКА, ПОДАРИ КВАРТИРУ

[Все статьи](#)

Если у тебя в больничной палате лежит бабушка, которая безнадежна, но имеет квартиру, почему бы не воспользоваться моментом и не заполучить эту жилплощадь себе? Задалась соблазнительным вопросом врач-травматолог Хабаровской краевой больницы Т.Р.Савина. «Знакомая медсестра унаследовала двухкомнатную, что я хуже?» И привела задумку в действие: помимо повседневной лечебной деятельности захват квартир пациентов стал жизненной установкой человека в белом халате.

В беседе со мной Татьяна Романовна была откровенна и не скрывала, что занимается этим пять лет и решительно не видит ничего плохого в подобного рода сделках врача с пациентами, у кого есть квартиры и нет наследников.

Первый свой проект по дармовому приобретению жилья пациентки бабушки Н.С. Мацуляк был завершен весьма успешно: после смерти старушки однокомнатная квартира, что на ул. Калараша, стала собственностью Татьяны Романовны. Однако подопечная доставила ей немало хлопот, – перенесла два инсульта и почему-то еще долго жила. Будучи уверенной, что доктор утешит и согреет ее в последние дни жизни, непритязательная старушка согласилась на все условия врача, подписала доверенность на получение пенсии. («Я ей сделала инвалидность второй группы, - не без гордости говорит Савина, - и фактически содержала, последнюю неделю перед смертью даже перевезла к себе домой».)

Однако Татьяна Романовна умолчала, что до этих событий по знакомству устроила старушку в другую больницу, чтобы самой не возиться, и все, что было в квартире умирающей, уже продавалось с молотка, а сама жилплощадь живой хозяйки была продана. Объявились вдруг родственники-наследники, но Татьяна Романовна им быстро укорот сделала: когда была жива – не ходили, а на готовенькое претендовать. Кстати, родственники тоже старые, за восемьдесят, одинокие, куда им тягаться с ординатором и пачкой документов, давно заверенных нотариальной конторой на имя врача.

С другой квартирой, двухкомнатной, где проживал ее бывший пациент дедушка П.В. Чувалин, случилась более серьезная неувязка. Нет, после его смерти ни близких, ни дальних наследников не оказалось – Татьяна Романовна сразу выяснила, что дед одинок как перст. Хотя по завещанию и дарственной врач-травматолог стала единственной наследницей двухкомнатной квартиры на Восточном шоссе и на радостях уже подсчитывала доходы от продажи, дед умер, не дождавшись приватизационных документов.

Домоуправлению через суд удалось отвоевать квартиру. Разочарованию Савиной не было предела, и ее финансовые интересы ограничились продажей недвижимого имущества усопшего. Конечно, далеко не те миллионы, которые она получила от продажи квартиры бабушки Мацуляк, но все же...

В дальнейшем Татьяна Романовна действовала осмотрительней. И когда в палате появилась Л.К. Быкова, опытный взгляд врача подсказал – вот она, новая квартира: больную никто не навещал, возраст и состояние таково, что долго не выдюжит. Документы на приватизацию уже на подписи – лечащий врач заезжала сама в КЭЧ удостовериться.

Никому неведомо, сколько за эти пять лет приобрела квартир от своих больных пациентов Татьяна Романовна. Как она ухаживала за стариками – свидетелей нет: все они, кому был обещан уход, врачебное наблюдение, безбедная старость, уже покоятся в могилах. В живых осталась Лариса Константиновна Быкова. Она свидетельствует:

- Месяц я пролежала в палате. Относились как попало. Лечащий врач Татьяна Романовна меня будто не замечала. Потом стала спрашивать о житье-бытье. Узнав, что у меня квартира, а наследников нет, иначе как «роднулечка ты моя» не называла. Предложила, что будет особенно хорошо лечить меня, ухаживать и даже похоронит, а я взамен должна подписать дарственную на квартиру. «Но я же недвижимая», - говорю. «Не волнуйтесь, - отвечает, - к нотариусу я отвезу вас на своей машине». Тогда же взяла ключи от квартиры. А у меня осталась дома кошка Дашка. Я попросила, чтоб покормила. А сама думаю о Нине-соседке, она за мной много лет бескорыстно ухаживает, в трудную минуту выручает, добрая, ей я планировала отдать свою жилплощадь после смерти.

- Вернулась Татьяна Романовна довольная: квартира понравилась, солнечная, с балкона вид красивый. Сказала, что ремонт сделает, задолженность по квартплате погасит, холодильник привезет, забьет продуктами. Но о Дашке-то и не вспомнила. Настаивает на оформлении документов. Я вроде не отказываюсь. А скажите, как мне быть, если я вся в ее власти – неизвестно какой укол она мне сделает, как ногу загипсует. Одним словом, если честно, пообещала я Татьяне Романовне, а когда вернулась домой, рассказала Нине, та меня отговорила и стала закрывать на замок.

И верно, попасть в квартиру к больной пенсионерке не просто. На звонок она не отозвалась, соседи посоветовали ждать Нину, когда та принесет старушке ужин, и не обижаться на бабушку – столько претендентов на эти квадраты, а врач в первых рядах...

Л.К. Быкова теперь откровенно боится визита своего доктора. Вот ведь как... Человеку, знакомому с понятием, что такое великодушие, и в голову не придет назвать подобные невероятные факты использования служебного положения нравственными. Но Татьяна Романовна стоит на своем, в недоумении спрашивает: «А что здесь плохого?» Больной вверяет свое здоровье и жизнь врачу с надеждой на его профессиональную порядочность и человеческую доброту. А врач-то в данном случае с корыстью!..

Но самое, пожалуй, поразительное – охота Татьяны Романовны за стариковскими квартирами идет на виду у всего коллектива. Коллеги видят, как из больничного котла она черпает щи, кашу, чтобы вечером отвезти своему подопечному. Приглашает врачей на поминки. Продает коллегам вещи покойника. Что это? Искаженные понятия о зле и добре, которые захлестнули сегодня общество?

Верно, квартиры стариков – лакомый кусочек для не имеющих собственного жилья, от кого не раз приходилось слышать: «Вот старик бы отдал квартиру, да я бы его на руках носил». Соблазн приобрести таким образом жилье, в котором отказывает государство, весьма велик. Но где та грань, за которой исчезают добрые намерения, самоуважение и начинается беспардонная нажива?

Нить эта тонкая. Через нее давно переступила Татьяна Романовна. Возмутившись, что ее действия с подопечными стариками я назвала безнравственными, она пригрозила мне: «Да мой Савин (тоже, кстати, врач) из вас всех братскую могилу сделает». А на утро после нашей беседы чуть свет в квартире раздался звонок (разыскал же номер телефона). Мужской голос, назвавший себя Савиным, хамски прокомментировал перспективу публикации статьи о его милейшей супруге Татьяне Романовне. (1996 г.)

ПОМИНКИ СО МНОГИМИ ОГОРЧЕНИЯМИ

[Все статьи](#)

В семье Зайцевых случилась беда. Скоропостижно умер Владислав Петрович. Проживал он с дочерью, тоже неработающей пенсионеркой. На ее плечи и легли все хлопоты по похоронам. Одалживая деньги у друзей, не раз недобрым словом она вспоминала ритуальную, недавно лопнувшую фирму «Дельфин», куда отец вложил солидные средства. И на обанкротившемся заводе, где он проработал много лет, касса тоже оказалась пустой. Так что и на оградку денег не хватило. «С пенсии экономя,

позже поставлю», – решила дочь. А вот поминки-то не отложишь. Отец - хабаровчанин, старожил, друзей оказалось много, и каждый считал делом совести и долга проводить старого друга в последний путь. Посоветовались и решили обратиться в кулинарию, что на ул. Гамарника – помещение неказистое, малолюдное, там должно быть подешевле.

А что из этого получилось, об этом сообщили в редакцию пенсионеры, организаторы поминок: «Уже не говоря о страшной дороговизне, за кутью, невкусный борщ, блины, шницель с явными признаками хлеба уплатили почти два миллиона рублей, а еще грубость и хамство со стороны заведующей и буфетчицы, которым наш заказ показался слишком скромный. У нас горе – ушел из жизни хороший человек, а нам пришлось выслушивать упреки от этих холеных дам в кокошниках за то, что принесли свои дачные запасы и наши поминки – в убыток кулинарии, хотя и за часовую аренду помещения мы уплатили. Обязали нас приобрести восемь бутылок водки – по сто граммов на человека, которая в три раза дороже, чем в магазине, - иначе заказ не принимают. А у той водки весьма сомнительный завод-изготовитель. У общепитовцев ничего святого не осталось за душой, ведь не банкет заказывали».

Не случайно в народе говорят: лучше три свадьбы отыграть, чем одни похороны организовать. Но, увы, смерть немилосердна. Еще три года назад на Хабаровском кладбище ежедневно осуществлялось 8-12 захоронений, а в год 4-4,5 тысячи. Нынче в спецкомбинате ритуальных услуг катафалков не хватает: до 27 захоронений в день, а в год более восьми тысяч.

Для близких и родных горе утраты никак не может обойтись без целого комплекса ритуальных действий, в том числе поминок. Все это тяжело для души, подчас финансово не подъемно, но близкие, любя и скорбя, стремятся достойно проводить в последний путь родного человека. Помимо ошарашивающих цен на содержание в морге, на гроб, могилу, ленты, венки, катафалк, автобусы, столько же тянет приличный поминальный обед. Где, как его провести?

- С организацией обслуживания ритуальных обрядов в Хабаровске проблем нет. Из 234 столовых – большая половина принимает заявки от населения, – бодро сообщили в комитете потребительских услуг городской администрации. Но, узнав о письме пенсионеров, не стали скрывать, что качество, культура обслуживания, обмеры, обвесы остаются притчей во языцех. Борьба с этой напастью в сегодняшней ситуации стало значительно трудней.

А ситуация общеизвестная. Пять лет назад предприятия общественного питания отправились в свободное плавание, цены на изготавливаемые блюда, в том числе на алкоголь, были отпущены от 50 до 250 процентов. В столовых, кафе посетителей резко поубавилось. Как выжить? Выход нашли: план по товарообороту спасают массовые мероприятия – свадьбы, юбилеи, поминки. Особенно поминки. И хотя С.Ожегов в своем толковом словаре трактует поминки как «пережиток религиозной старины», этот «пережиток» – угощение после похорон в память умершего, стал сегодня устойчивой традицией, как верующих, так и атеистов. Для близких поминки – это знак трогательной заботы. Может быть, запоздалого внимания и знака любви к тому, кто ушел раньше, когда дух усопшего, как утверждают, еще витает над родным домом, над родной землей. Это самое примиряющее последнее «прости», высказанность той теплоты и сердечности, которыми должны были согреть, но, возможно, не успели при жизни.

Для богатых погребение, как и поминки, в финансовом отношении – не проблема. Им по карману элитные. Обедневшие аристократы, люди среднего достатка могут позволить себе «Уют», за которым утвердился репутация престижного кафе. Здесь и оригинальный дизайн обеденного зала, культура обслуживания, терпимая стоимость услуг.

Бедняки-пенсионеры поминальные обеды пытаются устраивать дома. У Владислава Петровича – двухкомнатная «хрущевка». Конечно, как практиковалось издавна, в два-три захода можно управиться, хотя и кухня с пуговицу. Но где взять котлы для приготовления пищи на сорок человек, посуду. К тому же у близких за три дня до похорон столько тяжелых хлопот с оформлением документов и все это с неизбывной болью в сердце, что уже нет ни сил, ни времени на котлы, блины и компоты. И в таких случаях близкие прибегают к услугам общедоступных столовых, где стоимость обеда 25-30 тыс. рублей на человека (без алкоголя).

А поминок без водки, увы, не бывает. Навар у буфетчицы на торговле спиртным – позавидует удачливый предприниматель. В том же кафе «Рассвет» обычных посетителей остограммывают родной

«Русской» ХЛВЗ, а на поминки поставляется водка из сомнительных погребов по цене 57 тыс. рублей за бутылку. Авторы письма утверждали, что она «паленая». Доказательств нет. Контролирующие службы на этот счет в районных администрациях отсутствуют. Горторгинспекция, как и санэпиднадзор помимо плановых проверок, в основном идет по следам жалоб потребителей. И ничего странного в том нет, что на обслуживание ритуальных обрядов столовых и кафе жалоб практически не поступает. Ритуал погребения – это особая психологическая зона, где живет лишь боль потери. Все банальные недоразумения – обвесы, недовложения, явный обман - мелочи земной жизни перед невосполнимой утратой. На этом и спекулируют опытные общепитовцы. Речь идет не только о сомнительном качестве и дороговизне продуктов, поставляемых на поминальные столы, сколько о моральном векторе в отношениях между работниками общепита и заказчиками на ритуальное обслуживание.

...В силу печального стечения обстоятельств мне недавно пришлось оказаться очевидцем всей технологической цепочки от заказа в столовой на ритуальные услуги до его исполнения. Не без боли скажу, это был циничный торг. Бесстрастная холодная дама, принимавшая заказ, была неумолима в своих рекомендациях: «Компота по два стакана на гостя, - писала она в заборной книге, - мясное ассорти, салат из кальмаров». Неискушенные в этом грустном деле, но, зная, что мать погибшей дочери пенсионерка, бесребреница, мы предварительно проконсультировались, и бывалые люди посоветовали не заказывать много – слишком большие накрутки. С собой можно принести минеральную воду, сухую колбасу, подать свои овощи, фрукты. Мы так и решили. Но неуступчивая дама продолжала убеждать: «Одного горячего будет мало, возьмите шницель с картофелем и горбушу в кляре. Не хотите горбушу, можем приготовить солянку с мясом».

Почерневшая, сокрушенная горем мать, сидела отстраненно, с трудом понимая, о чем идет речь. И тогда буфетчица стала обращаться к ней, расхваливая будущую солянку, из свежей капусты. Мать с мольбой глядела на нас – когда прекратится перебранка, а мы защищали финансовые интересы нашей беспомощной подопечной, ведь ей предстояло за такой поминальный обед платить миллионы.

К неудовольствию бездушной дамы в чепце мы вроде победили. Однако напор внушения, с которым она действовала, оказался сильнее нашего благоразумного прагматизма, доведя мать до мистических видений. Ночью, перед похоронами ей приснился сон, что она делит плитку шоколада детям, и погибшая дочь протягивает руку, просит еще дольку сладости. Несчастливая мать расшифровала сон по-своему: дочь просит не скупиться, и мамаша чуть свет в день похорон побежала в общедоступную столовую дозаказывать солянку.

Поминальный обед прошел торжественно и проникновенно. Стол не выглядел бедным благодаря обилию фруктов с колхозного рынка и дачных овощей. Столовские блюда: что блины, что картофельное пюре – оказались и, правда, голубоватого цвета, как сказано в письме. Зато наше полноценное мясное ассорти компенсировало отсутствие этого продукта, как в шницеле, так и в солянке.

Буфетчица, обслуживающая нас, кипела от гнева, – поминки обошлись по минимуму - не подавала, а бросала тарелки на стол, упорно искала повод для публичного конфликта. Суета сует. Собравшиеся на поминальный обед думали, вспоминали, горевали и плакали только о Той, с кем сегодня простились навсегда. (1997 г.)

ЛИШНИЕ ЛЮДИ

[Все статьи](#)

Этот пятиэтажный дом из силикатного кирпича стоит рядом с красной линией города. Дом как дом, с теплым светом в окнах по вечерам, с веселыми занавесками. Но в трех его больших окнах, выглядывающих на центральную магистраль Хабаровска, свет никогда не зажигается, окна наглухо забиты плахами-досками, а поверх, для крепости, еще двумя крест на крест. Это притон для бичей и наркоманов.

Судьба этой квартиры и ее хозяев трагична. По сей день здесь прописаны сестры Поповы. Младшей, Наташе, было 15 лет, когда она стала круглой сиротой. Никто не позаботился, чтобы оградить ее от влияния старшей сестры-наркоманки, и девочка пошла по ее мрачным стопам. А когда здесь стали собираться сомнительные личности, во избежание возможных нежелательных последствий отключили газ, воду, свет. Дело дошло до того, что ночные обитатели унесли балконную дверь, раковину, ванну, унитаз, жгли плитуса, дверные проемы. Не без участия сестер квартира была превращена в логово.

К чему это привело? Об этом пишут жильцы этого дома: «Двухкомнатная квартира, которую давно покинули сестры, стоит брошенная. Дверь открыта по-прежнему, и среди ночи можно ждать нашествия бродяг. Сколько пожаров мы пережили – не счесть. Неужели Хабаровский объединенный авиаотряд, которому принадлежит эта квартира, не может найти более достойного применения, ведь столько людей еще без жилья, и оградить нас от последующих несчастных случаев». Под письмом стоит 15 подписей.

За последние годы соседи натерпелись достаточно: напуганы ночными разборками, пронзительными криками, последним пожаром. Без преувеличения можно сказать, жильцы первых двух этажей тогда чуть Богу душу не отдали. Вслед за пожарными машинами прибыли машины «скорой помощи», даже не хватило кислородных подушек. Это не первый случай.

По заверениям специалистов третьего отделения УВД Железнодорожного района, брошенная квартира на ул. Дончука находится под контролем. Наркоманы давно покинули этот притон – слишком на виду. Однако пусто место не бывает. Квартиру в качестве ночлега избрали бомжи – совсем ненаказуемый народ. Здесь можно укрыться от трескучих морозов, дотянуть до весны. Живущие случайными заработками, они крепят криминогенную обстановку в городе. Во всяком случае, это по их вине недавно мчались пожарные машины, задыхались в дыму жильцы дома №2.

Столь детальный экскурс в историю брошенного жилья не случаен. У каждого, временно обитающего в чужих квадратах – свой путь в несчастье. Без паспортов, без работы мыкаются они по подвалам, вокзалам, брошенным баракам, элеваторам теплотрасс и, понятно, не устаиваются людской отзывчивости. Их гонят с лестничных, теплых площадок, они возвращаются, пока перед ними не вырастает фигура милиционера. Но сегодня и эта фигура не внушает особого страха у бомжей. До перестройки действовала статья 209 УГК, согласно которой их принудительно трудоустроивали, а упорным бездельникам светил год и более лишения свободы. Сейчас подобных строгостей нет, – бичуй хоть до скончания собственного века.

С запуском либеральной реформы и свободной продажей квартир были широко открыты шлюзы для пополнения рядов бомжей. Многие обездоленные, оказавшись на обочине жизни, решаются на продажу единственной оставшейся ценности – квартиры. Строят планы. 12 – 15 миллионов рублей кажутся им несметным богатством, которое в застольях почему-то быстро улетучивается. Социальщики утверждают, что в Хабаровске квартиры горьких пьяниц в основном распроданы предприимчивым молодцам.

И в другом видится корень зла. На глазах происходят тектонические сдвиги в психике человека, в понятии нравственности. Ужесточились отношения внутри семьи. На почве «бытовухи» предметом распри является подчас квартирный вопрос. Слабых, неработающих безжалостно изгоняют из квартир. Заставляют выписаться, сунув в карман записку или пообещав «замочить так, что ни один уголовный розыск не отыщет».

Оперативно-поисковой службе Хабаровского приемника-распределителя досконально известны места ночевки бродяг. Только в январе в приемник доставлены 59 так называемых беспаспортных элементов. В прошлом году почти на 300 человек больше, чем в 1996 году. А за три последних года – 2400 человек. Пятая часть их пришла в приемник добровольно: подкормиться, пожить в тепле, хотя пребывание в переполненных камерах адекватно тюремному заключению. Это учреждение крепко не жалуют лишь те из бомжей, у кого нелады с законом.

Вполсилы очищая от бродяг город, приемник-распределитель кроме десятидневного пребывания, горячей похлебки и попытки восстановить документы ничего существенного предложить не может своим постояльцам, о трудоустройстве нет и речи. О явном охлаждении интереса к «лишним людям» свидетельствует и тот факт, что личный состав приемника-распределителя от 30 человек сократился до 13, а в их распоряжении лишь одна патрульная машина на весь огромный город.

Новички-бомжи, попавшие в эту категорию, безработные, инвалиды, пенсионеры, еще не приспособившиеся к своему новому статусу, как в последнюю инстанцию обращаются в комитет социальной защиты городской администрации. Здесь они могут получить талончики на бесплатный обед в столовую и даже приобрести бывшую в употреблении одежду. Однако ночлег им никто не предоставит. Специалисты комитета насмотрелись всяких – обмороженных, обворованных до нитки, избитых и просто попавших в беду. Ежегодно сюда обращаются до 700 человек. И опять же все упирается в ночлег.

Третий год бьется комитет по соцзащите, пытаюсь сдвинуть с мертвой точки создание реабилитационного центра, попросту ночлежки. Тем более, строить нет необходимости – в городе в достатке брошенных муниципальных зданий бывших предприятий. Специалисты комитета изучили опыт функционирования такого центра в Новосибирске, подготовили смету расходов. Дважды представляли мотивированные ходатайства председателю краевой думы, мэру города. И дважды получали отказ «в связи с отсутствием финансовых средств».

Люди дна со сломанными, исковерканными судьбами всегда существовали на Руси. При этом несчетное число раз мы поминаем царскую Россию, когда в крупных губернских центрах были ночлежки. Имелась такая и в Хабаровске. Царские «сатрапы» – приамурские генерал-губернаторы всерьез были озабочены расширением уже имеющейся ночлежки и строительством богаделен приказа общественного призрения, значительно снижавших градус социальной напряженности в городе. Сегодня этот градус довольно высок. Факт остается фактом: «Современные условия городской жизни требуют все больше сил на борьбу за существование, и число людей физически и духовно надломленных такой борьбой все умножается...Их бесприютная, полуголодная жизнь, полная страданий, тягостна как для окружающих, так и для них самих». Не про наших ли бичей и бомжей идет речь? Отнюдь. Это фрагмент письма Приамурского генерал-губернатора Н.Л.Гондатти, который в начале века ходатайствовал о социальном устройстве бесприютных людей, всеми гонимых, никому не нужных. Кто же из именитых чиновников решится замолвить за них словечко нынче, в конце XX века? (1997 г)

ОКАЗАЛСЯ БЕЗРАБОТНЫМ ...БЕЗ СОБСТВЕННОГО ЖЕЛАНИЯ

[Все статьи](#)

На объявление «Примем на работу секретаря-референта» по указанному адресу на улице Калинина явилась толпа девушек. В основном – молодые специалисты с высшим образованием, каждая имеет навыки работы на ЭВМ. Ну и конечно, все молодые, красивые.

На этот раз удача выпала на долю Насти Соколовой. После окончания академии экономики и права она решительно потеряла надежду получить работу по специальности «Государственное и региональное управление». Куда бы ни обращалась, первое условие – опыт работы. А откуда, спрашивается, черпать этот опыт вчерашней студентке? Из 27 сокурсников выпуска 1998 года лишь четверо кое-как трудоустроились.

За три месяца хождения в поисках работы, встречаясь с такими же безработными, как она, слетавшимися на редкие объявления «Требуются», Настя усвоила, что коль работа не по специальности, она не враг себе, и свои знания, в том числе трудового права, не стоит демонстрировать. Ее сокурсница при приеме на работу имела неосторожность предложить нанимателю заключить согласно статье 18 КЗоТ трудовой договор, чем вызвала неудовольствие, мол, ишь, какая умная, и была выставлена за порог.

События для Насти разворачивались непредвиденным образом. Несмотря на исполнительность, знание делопроизводства, месячного испытания она не прошла. Возможно, молодежный максимализм

подвел или вяло улыбалась. Ее уволили и ни копейки не заплатили. Тогда она обратилась в Государственную инспекцию труда по Хабаровскому краю.

Исследовав существо дела, специалисты усмотрели сразу несколько нарушений законодательства. Во-первых, испытание с целью проверки соответствия работника поручаемой ему работы для молодого специалиста не устанавливается. Во-вторых, на работника полностью распространяется законодательство о труде, то есть расчет должен быть сделан. И не сделали. Что это? Правовая неграмотность или хитрый умысел работодателя.

Получив официальное предписание, фирма, пойманная за руку в чужом кармане, сполна рассчиталась с Соколовой, не решаясь вступать в конфликт с инспекцией труда, когда в зал судебного заседания могут доставить и в принудительном порядке. Ведь работодатель, не выплачивающий заработную плату, является элементарным должником, а работники – его кредиторы и вправе получить свое заработанное, даже если для этого потребуется описать имущество должника.

Вялотекущая реформа усложнила прежде всего отношения работника и работодателя, породив, по словам юристов, ситуационные дела. Они возникали и раньше. Однако таких масштабов сокращений, невыплаты зарплаты, самоуправства работодателей еще не знала история отечественной судебной системы. Рыночные отношения повлекли массовые увольнения, отправку людей без их согласия в неоплаченный отпуск, заключение лукавых срочных трудовых договоров-контрактов, когда тебе могут в любой момент указать на дверь.

Психологи утверждают, увольнение с работы по шкале стрессов, переживаемых человеком, равно утрате близкого человека. Но еще горше становится от того, что при расчете получаешь дырку от бублика или месяцами «кормят завтраками», задерживая расчет. А между тем, руководитель процветает: у него парочка суперавтомобилей, в офисе полным ходом идет евроремонт, но для уволенного денег нет.

К сожалению, в инспекцию труда обращаются те обкрадываемые, у кого - край, терпение лопнуло, а в кармане трудовая книжка уже с приказом об увольнении. И лишь тогда бывший работник решается вступить на тропу борьбы за свои права.

Если письменное предписание по фактам нарушения законодательства, носящим бесспорный характер, игнорируется фирмой, тогда юристы подключают к своей работе налоговую инспекцию, прокуратуру, налоговую полицию. Невнятные объяснения юридических лиц, что статьи 58, 65, 66, 153 КЗоТ нарушены по незнанию, в расчет проверяющими не принимаются.

Одна из грозных мер воздействия инспекции труда на злостных нарушителей – привлечение к административной ответственности с наложением штрафа из оклада руководителя до ста минимальных зарплат. И тут происходят удивительные метаморфозы Виновник, отнюдь, не дилетант в знаниях кодекса законов о труде. Несогласный с постановлением о штрафе, он оспаривает его в вышестоящей инстанции и на суде поражает присутствующих эрудицией. Становится очевидным, КЗоТ РФ для работодателя как кость в горле, неукоснительное выполнение закона невыгодно нанимателю, ибо не позволяет мошенничать.

Взять хотя бы такую уловку, на которую нынче бесстрашно идут предприниматели – «черная касса». Принимают специалиста с окладом две-три минимальные зарплаты, – так значит в приказе (распоряжении). А сверху в конвертике – еще трижды по столько. Мотивы подобных манипуляций понятны, – избежать налогов. И ни один контролирующий орган не докопается. Пока не возникнет конфликт между работодателем и работником. Уволенный в отместку получает расчет согласно не конвертику, а приказу – копейки. Доказать факт подобного несоответствия вряд ли возьмется юрист: документов нет, все шито-крыто, остается в стенах офиса.

Недоказуемы и факты прямого обмана, когда нанимаются на работу по устной договоренности.

- Я его с утра до ночи два месяца возил на своей машине! Обещал заплатить две тысячи. – Возмущенно рассказывает юристам очередной ограбленный. – А за бензин хозяин триста дал и сказал: «поди вон!»

В данном случае только остается посочувствовать водителю. Суд бессиле защитить его интересы. Соглашение было устным, а слова к делу не подошьешь. Об этом посетителе в стенах трудоинспекции не стоило бы упоминать, если бы подобный случай был единственным, но, их

множество. Доверчивость нынче не в моде и представляет угрозу для ее носителя и благо для нанимателя.

- Во всех остальных случаях – есть приказ (распоряжение) по новому месту работы, КЗоТ РФ остается мощным гарантом от самоуправства работодателей. - Утверждает государственный правовой инспектор труда по Хабаровскому краю В.Первушин - Даже в наши смутные дни пусть не обольщаются наниматели – юридически не так-то просто беспричинно уволить человека с работы, месяцами не платить зарплату. Никакие финансово-экономические кризисы работника не касаются. Это головная боль работодателя. Он должен отвечать перед Законом за того, кого нанял на работу. (1998 г.)

ПОЛОСА ОТЧУЖДЕНИЯ

[Все статьи](#)

Три женщины, три старости. Как бы ни складывалась их судьба в прошлом, но сейчас этих женщин объединяет общая беда - их выживают из собственного дома дети и внуки, безжалостно издеваются над стариками. В домашних конфликтах не последнее яблоко раздора - субсидия на квартплату. Просьбу стариков хлопотать о соответствующих документах молодые встречают в штыки. На кухнях объявляется бессрочная война. Старых, немощных людей, отчаявшихся обрести покой, некому защитить.

Самый беспокойный день для Ольги Серафимовны – седьмое число, день получения пенсии. Она собирается чуть свет и едет из одного конца Хабаровска в другой. Подходит к родному дому, видит на втором этаже приспущенные занавески – на белом фоне розочки, покупала их в последнюю навигацию, и садится на лавочку у подъезда в ожидании почтальона. Он должен прийти до обеда. Но торопиться некуда. Главное, не попасть на глаза Леночке и Олегу. Их «Тойоты» у подъезда не видно, значит, на работе, а то не избежать скандала. Для почтальона она придумала объяснение: «Вот вышла вас встречать». Не рассказывать же чужому человеку о своей беде, о том, что из-за невыносимости жизни ушла из своей квартиры, в которой прописана.

Много лишений и бед пришлось испытать Ольге Серафимовне, одногодке революции. Воспроизвожу ее рассказ: «Тятя умер, а я с пяти лет по нянькам каждый год до Покрова. А потом в школу. Училась хорошо. Глаза закрою и знаю, где какой город, какое море. В 1936 году приехали в Хабаровск. Муж мой – сварочный мастер. За миллион не найти такого. Нам сразу дали квартиру в затоне. Да недолговекий муж был. Осталось на руках двое детей. Над ними не меньше воздуху дышала. Высшее образование дала. И внучке Леночке тоже. Так что после пенсии, я еще 24 года проработала: готовила, стирала на судах. В путевках в санатории зимой не отказывали, лечить радикулит – сквозняки сильные на камбузе. Всякое было. Кто меня обижал, – я лучше переплачу. Худого людям не делаю. За всех Богу молюсь».

А больше всех молится за Леночку, 30-летнюю внучку – мучительницу и виновницу всех ее нынешних бед, что стариковать она вынуждена у чужих, хоть и добрых людей. Два года старушка с узелком ходит по знакомым, с кем когда-то работала. На просьбу взять на квартиру не отказывают, только поначалу удивляются: «Баба Оля, у тебя же своя двухкомнатная!» «Обстоятельства жизни у меня такие», - потупившись, защищается она, не называя истинной причины. Берут из милости, сострадания. И она, понимая это, старается посылно быть полезной. Зимой чужих внуков обихаживает, летом, когда хозяева на даче, за квартирой присматривает. И опять же не каждому доверится: стыдится людского осуждения, что ее любимая внучка выжила бабку из ее собственной квартиры.

Как же так случилось, что полужнакомые люди кров и стол предлагают, а родные выживают? Бабку, хлопотавшую о прописке внучки и мужа, молодая чета еще терпела, пока в навигацию по полгода отсутствовала. Но как, только, отработав день в день 57 лет, вышла на отдых по старости, все и началось. И корит себя Ольга Серафимовна нещадно, сама виновата, бес попутал: с кем работала когда-

то, все субсидии за квартплату получают, а она что, за 57 лет не удостоилась? Вот и посмела о доходах Леночкиных спросить. Будто черный котик пробежал между ними. И в ванне закрывали, привязывали к трубе, чтоб не мешала, куска хлеба не давали, и в психбольницу возили на освидетельствование, мол, сумасшедшая. Так что оставаться в родной квартире было небезопасно.

А вот 70-летняя Н.Ф.Анциферова уже устала молиться за дочь Галину и ее непутевого мужа, чем дальше, тем хуже. Если раньше у зятя Евгения Киселькова, что называется «квартировала совесть» – после пьяных безобразий, когда кидался на тещу с кулаками, утром, протрезвев, ходил как побитый пес, то сейчас нагло требует на бутылку. А с ним и Галина, пристрастившаяся к спиртному. Когда пьют оба, старой хозяйке и на собственную кухню путь заказан. После того, как завод закрыли, дочь с зятем, оставшись без работы, все ценное в квартире матери, уже растащили, продали и пропили «с горя». Хорошо то, что, Нина Федоровна успела лицевой счет за квартплату разделить, молодые-то не платят, давно бы квартиры своей лишилась. А сейчас требуют на опохмелку. Не даст - будет бита и закрыта в комнате. И тогда старушка ползет к окну и, завидев пешехода, бросает записку с мольбой вызвать «скорую помощь» или милицию.

По вине дочери и зятя она и инвалидность на старости получила. В то зимнее декабрьское утро на улице было безлюдно, кричать и бросать записки было некому. С вечера дочь с зятем пили, а утром мать посмела выйти на кухню приготовить кашу. «Думала, что они с похмелья, не будут кидаться, а они, оказывается, успели спозаранку сильно опохмелиться», - рассказывала позже Нина Федоровна. Бабуку загнали в ее комнату, и зять со словами: «выйдешь, убью» стал ее душить. Придя в сознание и обнаружив, что дверь заперта, решила выбраться через окно. Очень хотелось есть. И по бельевой веревке, зацепив ее за батарею, бабушка стала спускаться со второго этажа, и рухнула вниз. Оказалась на два месяца в больнице с переломом. Без костыля сейчас никуда.

Как выселить мучителей из собственной квартиры? Суд инвалиду отказал, мотивируя тем, что к дочери и зятю «меры предупреждения и общественного воздействия правоохранительными органами не принимались». Защищенные правосудием, домашние хулиганы плевать хотели с большого бархана на запоздалые беседы сотрудников 2-го отделения милиции ЖДРУВД о том, что надо жить дружно и не пить.

Старость сама по себе, особенно в наше время не несет особого очарования. Лишь в песне оптимистически поется: «Мои года – мое богатство». А на поверку это ежедневная борьба с недомоганиями, одиночеством, бедностью и ожиданием конца. А если еще и предадут, бесчинствуют дети – опора, гордость, смысл существования на этой земле, - где найти поддержку, обрести покой.

В тревоге, страхе влачит свою жизнь и престарелая Христина Григорьевна. Хотя внук ее - трезвенник, комнаты 27-летнего Сергея и бабушки, – на крепких замках. Она боится, что внук «подсыплет яду».

В отношении яда, возможно, преувеличение. Однако у преуспевающего в бизнесе Сергею хватило ума полить каким-то зловредным раствором бабкины цветы, которыми полна ее комната. Испытывая к старушке явную враждебность, бессмысленным способом внук наказал ее любимые цветы. Что это? Намек на более серьезную расплату. Случай не заставил себя долго ждать.

- Я инвалид второй группы, перенесла много операций, два инсульта. Чтобы ночью не умереть, я должна выпить хотя бы клофелин, - поясняет Христина Григорьевна, бывшая закройщица «Чайки», почти 30 лет обшивавшая хабаровчанок.

Каково же было потрясение больной, престарелой женщины, когда перед сном обнаружила, что ее аптечка пуста: корвалол, ношпа, клофелин исчезли.

- Смерть за мной пришла. И внук в ту ночь не ночевал дома, надеялся, что к утру помру. Как доползла до соседей, – не помню. Если бы не они, зарю уже никогда бы не увидела.

Читая ее душераздирающее письмо о невыносимости жизни под одной крышей с внуком, я пытаюсь добраться до основ, корней, из которых произросла враждебность малого к старому. Возможно, в детстве Сережа был обделен бабушкиной любовью? Ничуть. В детстве он увидел, какая большая у нас страна: во все отпуска бабушка с дедом брали его с собой. Вернулся из армии, одели с иголки, прописали в своей квартире. Когда дед, фронтовик умирал, просил внука: «Сережа, без меня пригляди за бабушкой». Приглядел...

Сергей сейчас хорошо зарабатывает, он аскет и следит за своим здоровьем, ему привозят в баллонах экологически чистую воду, но бабке и кружку не предложит. Между тем, Христина Григорьевна копейки считает, за всю квартиру платит со своей инвалидной пенсии. А как тарифы повысились, стала хлопотать субсидию. Отказали ей, неполный, мол, пакет документов на второго жильца. И когда внук заявил, что никаких справок бабка не получит, она, ничего лучшего не придумала, как идти к внуку на работу. С тех пор бабушка стала врагом номер один, а жизнь превратилась в ад.

- Я уже в райсобес обращалась, чтоб меня – в дом престарелых, а квартиру – государству, но для этого надо быть безродной. Внук довел до того, что в суд пошла, но там со мной и разговаривать не стали.

Забытая детьми, брошенная в преклонном возрасте мать - явление изначально противоестественное. Это скорее несчастный случай. Не только для нее самой, но и для ее детей, которые по цепной реакции, когда станут старыми, получают тот же гремучий флакон неприятностей от своих чад. Не стоит забывать притчу: не стреляйте в прошлое пистолетом – будущее может бабахнуть в вас пушкой.

К сожалению, подобные «несчастные случаи» не редкость в квартирах хабаровчан. В суды все чаще поступают иски о раздельных лицевых счетах с детьми, проживающих под одной крышей. За каждым таким иском – непонимание, неприязнь, вражда детей к старикам. Какие же на этот счет есть юридические права у престарелых людей?

Практически никаких. Согласно статьям 601 – 605 ГК РФ недееспособный владелец квартиры, прежде чем прописать родственников на свою жилплощадь, может заключить договор «Пожизненное содержание с иждивением», в котором оговариваются интересы обеих сторон, в частности условия содержания престарелого человека. Конечно, у трех этих женщин преклонного возраста никакого договора не оказалось. А без него ни один суд не защитит старика. (1998 г).

МИГ НЕВОЗВРАТНОГО ОТБЫТИЯ

[Все статьи](#)

В житейской суете, в поисках способов выживания мы не придаем значения общеизвестной истине, что все мы смертны. И правильно делаем. Невзирая на обрушившиеся социальные катаклизмы нужно уметь радоваться жизни, солнцу, первому снегу, грядущей весне. И все-таки «косая» нет, нет, да и заглядывает к друзьям, знакомым, напоминая о роковой неизбежности.

Для живой души любое кладбище оставляет тягостное чувство, а наше, хабаровское – удручающее. Особенно в выпавшие на нашу долю годы социального переустройства, которое как в кривом зеркале отразилось сегодня на состоянии, облике и проблемах последнего приюта

НА ЭТОТ РАЗ пойти на кладбище Веру Дмитриевну заставила не только тоска, что безутошно терзала ее все годы после похорон мужа, но и необъяснимая тревога. К чему бы это? Могилку к зиме подготовила, закрыла от снега цветочную вазу, почистила бронзовый барельеф. Ваял его талантливый скульптор: лицо мужа, как живое, солнышко блеснет – улыбается, ляжет тень – хмурится. Заказывала в дореформенные годы, сейчас за такое произведение не хватит и годовой пенсии. Убрала увядшие цветы, листья, попрощалась до весны. И вот снова почему-то пошла в ноябре. И когда показалась родная оградка, вздрогнула: на белом снегу мужниной могилы – ржавый изогнутый прут. Подняла глаза, и схватилась за сердце, - барельеф из тончайшей бронзы болтался на ветру, как распахнутая форточка. Одна его сторона, плотно впаянная в цемент, не позволила взломщику довести свое грязное дело до конца. Позарились на сто граммов бронзы, изуродовав барельеф.

Некогда блистательный врач, а ныне одинокая старая женщина, она была похожа на жалкого воробья, убитого горем, когда появилась в конторке администрации кладбища. «Лучше бы я раньше умерла, чем видеть такое» – повторяла она.

В поисках цветного металла алчные пакостники добрались до надгробных памятников, обелисков, бюстов из нержавеющей стали, меди, бронзы. Известен возмутительный случай, когда за одну ночь было разгромлено 12 надгробий – первых попавших. «Вычисляли» их по лунному блеску

металла в ночи. Тогда же нелюди в человеческом облике, орудуя фомками, пытались унести с постамента внушительный бюст из меди, известного многим хабаровчанам писателя, не догадываясь, что тот скреплен с постаментом сваркой. И тогда стали злобно бить кувалдами.

В относительно стабильные времена без олигархов и мафиози, поставить памятник, запечатлевающий индивидуальность личности усопшего, особых проблем не вызывало. Правда, за гранитом надо было прождать в очереди 5-7 лет. Нынче все резко изменилось и сфокусировалось на наличии зеленых купюр. Обедневшему аристократу, похоронившему родную мать, заказать фотографию из мрамора, хотя бы с ладошку, не по карману, нужны тысячи. Однако из этого же шведского мрамора сооружаются объемно-пространственные композиции, поистине танцевальные площадки для усопших, чья жизнь – и это всем известно – не отмечена ни почетом, ни уважением горожан.

Вот эти контрасты: могилы бедняков, бывшей городской интеллигенции и разбогатевших нуворишей начисто опровергают тезис - перед лицом смерти все равны. Эти контрасты неостановимы, с каждым годом усугубляются. О чем свидетельствуют аскетически скромно оформленные захоронения на новых земельных наделах, отведенных для последнего приюта.

ЕЖЕДНЕВНО НА ГОРОДСКОМ кладбище хоронят до 30 человек. Это в два раза больше, чем пять лет назад. Время захоронения в плащ-палатках и в братских могилах давно миновало. Каждому, даже безродному самоубийце нужен гроб и по санитарным нормам 5 квадратных метров земли. Городское кладбище площадью 214 гектаров с его 56-ю секторами давно исчерпало свои возможности. Сейчас оно носит название «старое кладбище» – здесь, официально, допускаются захоронения лишь тех, у кого остался клочок земли в оградке дедов, родных, близких.

Безродных и тех, чьи родственники не смогли наскрести деньги на похороны, партиями везут в Анастасьевку - 50-60 гробов ежемесячно. Обнищавшие и безродные, как бы позор общества, им нет места на городском кладбище.

Платежеспособные продают землю на дополнительно отведенной спецкомбинатом территории к востоку площадью 12 гектаров, где разбито шесть новых секторов. Новые сектора без всяких скульптурных излишеств, неотъемлемых для буйной фантазии рыночных толстосумов, которые и сегодня сомнительными путями занимают престижные – всем на виду - места старого кладбища, теснят могилы замечательных людей Хабаровска, прорываясь в пантеон истории города. Простым же людям не до декора.

КОГДА «ОБЖИВАЕТСЯ» новый сектор могилы копают впрок. В зимних условиях это трудоемкая процедура – с пожогом землекоп тратит, по хронометражу, 33 часа. Работы для 30 землекопов спецкомбината - невпроворот. Буквально за последние три года все земельные отводы 20-го сектора с первыми пятью буквами алфавита были превращены в стабильные кладбища. Сегодня хоронят в секторе 20 «е», а что потом?

- Пока будем двигаться на восток, - говорит директор спецкомбината В.П.Сугробов.

Но не до бесконечности же. Территория кладбища уже уткнулась в поселок Горького, на востоке тоже жилмассив. Остро назрела нешуточная проблема – где изыскать квадраты земли для усопших.

О качественно новом современном кладбище для краевого центра речь идет уже четверть века. Известно не только его месторасположение. В районе сел Константиновка-Заозерное определена его площадь - 50 гектаров. Давно готова проектно-сметная документация, разработанная еще до реформы Граждапроектом. Однако есть традиционное «но». В годы, когда хабаровчанам были неведомы понятия «дефицит бюджета», «кризис», о проблемах последнего пристанища думать было недосуг. Хотя уже тогда противоестественным был факт, что городское кладбище, спонтанно возникшее в 1937 году за чертой города, выросло до огромных размеров и оказалось почти в центре Хабаровска.

В личном плане высоких чиновников от крайкома, крайисполкома не слишком волновали вопросы небытия, что случись, им уготованы места в элитном 3-м секторе. Так оно и было, пока не грянуло социальное переустройство общества.

Откуда же сейчас в городской казне найдутся средства на строительство цивилизованного кладбища. Остается терпеливо ждать, когда наш город будет иметь миллионное население и получит право возвести крематорий. Если учесть, что в Хабаровске проживает 612 тысяч человек, а с каждым годом рождаемость падает, смертность растет и, по свидетельству демографов, прирост населения в

перспективе весьма ослаблен, мы никогда не дождемся искомого заведения. А между тем, как сказал поэт Вадим Шефнер: «И неизбежно настает миг невозвратного отбытия туда, где нас никто не ждет». (1998г.)

ФЕНОМЕН ЗАВЕТНЫХ СУБСИДИЙ

[Все статьи](#)

Зима, как и голод, отнюдь, не добренькие тетки, и не только для малообеспеченных квартиросъемщиков. Вместе с зимушкой-зимой плата за жилье подпрыгивает, считай, вдвое. Чего стоит одно лишь тепло батарей, согревающих родные квадраты! Не говоря уже о беспардонном и методичном повышении цен на коммунальные услуги. К 25-му числу каждого холодного месяца, оплатив кучу квитанций, у законопослушного хабаровчанина крепко худеет кошелек, а бедняки чуть ли не в нокауте.

ЧТОБЫ НЕ ДОПУСТИТЬ полного обнищания своих граждан, государство протянуло царственную руку, создав 5 лет назад службу субсидий. Но путь на право получения заветной поддержки столь терпок и кремнист, что в редакцию поступают рвущие сердце письма, как эта почтовая карточка с пометкой: «Срочно! Срочно!», от многодетной матери М.Н.Козловой.

Оказавшись на излечении в больнице, Мария Николаевна не смогла во вновь регламентированные сроки представить документы на получение субсидии. И вот когда грянули холода, принесли такой счет за квартплату, что все планы о покупке зимней одежды для детей рухнули - отдел субсидий Индустриального района в предоставлении квартирных льгот на всю зиму отказал. «У меня слезы лились рекой, даже сотрудница отдела, наверное, не выдержала и вышла из кабинета. Мне пришлось оставить заявление на конфликтную комиссию вместе со справкой. Прошу, найдите исключение. Нельзя закорючкой (сообщаемые в СМИ новые сроки предоставления документов – Е.Р.) бить по больным людям или тем, кто не может купить газету, у кого нет телевизора, радио».

По уровню жизни, население, проживающее в этом районе, считается самым бедным в городе, - поясняют в отделе ЖКХ Индустриального района, при котором действует служба субсидий. Некогда процветающие крупнейшие заводы, вся строительная индустрия, комбинаты лежат не то что на боку, а на спине. Тысячи безработных, обнищавших семей.

Помочь малообеспеченным, выявить достоверный совокупный доход, подтвержденный беспорными документами, призваны специалисты службы субсидий.

В ФОЙЕ, БЛИЗ КАБИНЕТА №18, где идет прием документов, столь огромная очередь, что, кажется, нет ей конца и края. Сейчас, когда начался отопительный сезон, здесь ежедневно бывает 200-250 человек, но очередь движется достаточно быстро. С первого захода редко кому удастся заполучить «добро» на субсидию. Среди счастливичков те, у кого абсолютно прозрачные документы, а еще такие, о ком писал поэт: «Если спросят об имени, отчестве, я отвечу им – Одиночество». Об этом рассказывает выписка из лицевого счета – основного документа, отражающего портрет семьи – состав, возраст, родственные связи. С него и начинается «плясать» специалист службы субсидий, пытаясь выявить истинный доход.

И сыпется водопад многотрудных вопросов, будто посетитель сдает выпускной экзамен, но ответы должны быть подтверждены справками. Вот где апофеоз «букашки без бумажки»! Без справки о начислении зарплаты за последние шесть месяцев документы не рассматриваются, как и без № приказа, указания тарифной ставки или оклада по штатному расписанию в случае «простоя» - неполучения зарплаты. Если есть ребенок, – нужна справка о начислениях за питание в школе за последние шесть месяцев, коль опекаемое дитя – еще и документ «о начислении сумм за мягкий инвентарь». Ну а если

студент не бюджетник – будьте добры, представьте копию договора о платном обучении, а также справки о суммах выделенных на питание, обмундирование.

От неработающих мамаш, имеющих ребенка до трех лет, требуется запись в трудовой книжке: «Уволена по уходу за ребенком». Ну а если молодая мать, - их в районе сотни, вовсе не работала по такой банальной причине как несовершеннолетие? Как здесь быть? Закон на этот счет молчит, а специалист по субсидиям просит квартиросъемщика освободить кабинет.

Помалкивает закон и в части неполных семей. Муж, не выписавшись, хлопнул дверью и исчез в неизвестном направлении. Попробуй, докажи, что бытовым газом не пользуется, при этом добудь хоть из-под земли, если даже судебные исполнители не могли этого сделать, справку о начислении алиментов за последние шесть месяцев от находящегося в бегах забывчивого отца.

А что предпринять престарелым родителям, у кого дети снимают квартиры, но прописаны в родительской? Справедливо ли платить за не проживающих детей, то есть за факт прописки?

Жизненные коллизии, в которых оказываются семьи, подчас так запутаны, сложны, что справок, доказывающих государству – ты нуждаешься, беден, нищ, - не добудешь, кажется, и у самого господина Бога. Однако размер субсидий – немалый, до 550 рублей в месяц на семью. Ради этого обнищавшему есть резон набраться терпения, несчетно оббивать чиновничьи пороги в обретении справок и снова преодолевать змею-очередь в тот же 18-й кабинет.

Не ошибусь, если скажу, что в этом районе - почти треть обедневших женщин, кому заветную субсидию никогда не получить. Это семьи, где муж или сын бичуют. Есть один вариант – разделить лицевой счет, делается это только через суд, но мудрые матери понимают, что обращение к третьей власти не принесет в дом мир да любовь.

Типична ситуация, как у престарелой Н.Ф., положившей жизнь на воспитание внучки. Милое чадо, обретя юность и привлекательность, как говорится в народе, «принесла в подоле» одного правнука, а спустя год – другого. Сама, понятно, не работает. Прабабушка категорически не желает его прописывать на свою жилплощадь, где уже числится четверо, не получающих субсидию. Ребенку второй год, а он, по документам без местожительства, дитя-бомж. Как поступить специалистам службы в столь, как они называют ««нештатной ситуации»». Подобные вопросы решает конфликтная комиссия

ЗАСЕДАЕТ КОМИССИЯ дважды в месяц и рассматривает до 60 пакетов документов квартиросъемщиков, претендующих на субсидии... Кстати, на октябрьском заседании автору письма в редакцию М.Н.Козловой, без всякого вмешательства газеты предоставлена субсидия. Члены комиссии – люди вроде понимающие, гуманные. Однако в 50 случаях следует отказ, в том числе молодым матерям, у кого нет трудовой книжки – зачем, спрашивается, рожала бомжонка.

Квартплата нынче – удовольствие весьма дорогое. Избежать ее в полном объеме пытаются и платежеспособные квартиросъемщики, предъявляя подчас сомнительные справки о доходах. Но критерии безбедной жизни хорошо известны оперуполномоченному. И он, уподобившись детективу, в поиске достоверных доходов выявляет у заявителей на субсидию наличие и обширность движимого и недвижимого имущества.

Преодолеть все препоны на пути к субсидии удалось 14700 семьям, проживающим в Индустриальном районе. На эти цели только в нынешнем году направлено 24 млн 175 тыс. рублей. Казалось бы, сумма внушительная, помощь ощутимая. Если бы ни одна существенная деталь. В районе проживает 194 тысячи человек. По подсчетам социальщиков, лишь 13 процентов семей оформили льготы за квартплату – капля средних размеров. Еще мельче эта капля на фоне людского моря бедняков, поставленных на учет в комитете социальной защиты. Остальные тысячи тоже живут не припеваючи. Свидетельство тому – уровень жизни населения. Из 50 тысяч неработающих пенсионеров лишь тысяча, другая имеет пенсионное обеспечение равное прожиточному минимуму.

Однако, как ни странно, в службу субсидий после отказа, второй раз не обращаются. Что за этим стоит? Несовершенство самой системы оформления документов? Казуистика и многослойность предоставления справок - в перечне их более пятнадцати! А может и другое? «Нештатные ситуации» в семье, когда на старческих плечах повисли неплатежеспособные, без всяких доходов дети, внуки, прописанные на родительской жилплощади. Или собственная индифферентность, слабая информированность о том, что государство тратит и готово тратить, баснословные суммы, как это

преподносят нам власть имущие, на поддержку малообеспеченных. Поведенческий механизм современного бедняка – тайна великая есть. Во всяком случае, реальность подтверждает, что, оказавшись за чертой бедности, люди добровольно лишают себя защитного государственного плеча. Так ли это? (1999 г.)

«ЖИТЬ БОЛЬШЕ НЕТ СИЛ»

[Все статьи](#)

На звонки в дверь квартиры № 37 бывшего крайкомовского дома на ул. Запарина никто не откликался. Впрочем, звонков было и не столь много за последние дни. Но когда дверь не открыли и почтальону, доставившему в назначенное время пенсию, соседи заволновались: 75-летняя Рита Львовна жила одиноко, болела и уже давно не выходила из дома. Уехать она не могла, ибо на всем белом свете нет у нее родных. Навещали ее две приятельницы. Они не без робости, в предчувствии непоправимого открыли дверь пенсионерки и ужаснулись.

Рита Львовна бездыханно лежала в глубокой коме, исхудавшая, неузнаваемая. Рядом на стуле – пузырьки из-под транквилизаторов, опрокинутый стакан, рассыпанные таблетки. На столе белел клочок бумаги: «Жить больше нет сил». На редкость быстро прибыла машина «скорой» помощи. Врачи сообщили: «Успели вовремя, еще жива». Больную направили в реанимационное отделение.

Почти месяц Рита Львовна находится на излечении в больнице и уже пошла на поправку. Напоминание о попытке самоубийства ей неприятно. Лежит, отвернувшись к стене, и думает свои думы, в разговор не вступает. Что же побудило престарелую женщину к столь страшному решению – покончить счеты с жизнью? По мнению тех, кто ее хорошо знал, причины лежат на поверхности – одиночество, усталость от бессильной борьбы с болезнями, надвигающейся нищетой, трагическое осознание ненужности, бессмысленности своего существования.

Случаи суицида стариков в наши дни уже не редкость. Сама по себе старость с ее сединами, немощью – не подарок. А если она протекает в заброшенности, скудном жизнеобеспечении – это поистине ежедневное сражение с самим собой и за себя. Но когда было такое на Руси, чтобы старый человек накладывал на себя руки? Страдай, мучайся, но терпи, неси свой крест до конца – такова воля Божья. То, что издревле считалось смертным грехом, для нынешних пенсионеров никакого табу не представляет. Об этом все настойчивее и тревожней напоминает статистика: черная палитра самоубийц – людей без определенного места жительства, должников, преследуемых кредиторами, – настойчиво пополняется стариками. Не богобоязненными старушками в платочках, а теми, в чьих гардеробах сохранились побитые молю, когда-то супермодные шляпки, а книжные стеллажи забиты классической литературой. Это обедневшие в процессе несчастных реформ когда-то благополучные люди с высшим образованием, которое, заметьте, всегда являлось эмблемой полноценности человека.

Так вот, Рита Львовна – архитектор и весьма крупного ранга. «Она даже пенсию больше получала, – недоумевали соседи, узнав о беде. – Ей доплачивали 200 рублей». И, тем не менее, совокупный доход был невелик, половина прожиточного минимума. Его не хватало на лечение болезни глаз, – Рита Львовна катастрофически теряла зрение, на сиделку – отказали ноги, и без чужой помощи передвигаться уже не могла. А главное, как сказали сослуживцы, построенный ею, интеллектуалкой, мир, столь организованный и гармонизированный, рухнул. Она отключила телевизор, перестала слушать радио, – все окружающее стало зыбким, вторичным. Учиться жить в трагическом мире, приравливаться к нему она не пожелала.

Дух разбитых надежд с особой остротой коснулся интеллигенции, оказавшейся на голодном пайке. Многообразие неутоленных духовных интересов, невостребованность широких познаний по причине почтенного возраста, унылое пенсионное содержание – все это резко снизило уровень их душевного комфорта.

По классической модели социолога с мировым именем Дюркгейма, число самоубийств напрямую зависит от сплоченности той среды людей, среди которых живешь, доброй, живительной силы людских контактов. Как известно, оказавшись на заслуженном отдыхе, человек остается один на один со своими проблемами, когда твой мир совсем недавно такой светлый, просторный суживается, блекнет.

Спасительное начало, когда в согласии, мире встречает старость супружеская пара. Однако только в добрых русских сказках утверждается: «Они жили счастливо и умерли в один день». Реальная жизнь преподносит иные заключительные аккорды, – безвременная утрата одного из супругов, в основном мужчин, стала явлением печально обычным.

А когда ты одинок, немощен, и смущенно - в который уж раз - просишь соседей купить хлеба да картошки, а по вечерам – тишина, никто не позвонит дверь. И так день за днем, год за годом. Вот где подступает отчаяние, тоска. «Утром откроешь глаза, и мысль подкрадывается, зачем проснулась», - такое признание мне приходилось слышать от своей престарелой соседки, бывшего педагога.

Тот же социолог Дюркгейм отмечал, что более склонны к попытке суицида самые образованные, независимые люди, интеллектуалы с нестандартным взглядом на ценности жизни. Крушение идеалов, смена политического строя, раздражающе высокие цены и пустой кошелек вырастают до источника душевной боли.

Социально-стрессовые расстройства имели место в более-менее благополучной «застойной» давности. Но по другим причинам: не повысили с зама в завь, не подписали характеристику в загранпоездку. Пенсионер же находился в привилегированном положении – лекарства, лечение бесплатно, как и путевка на санаторно-курортное лечение, месячной пенсии хватало на авиабилет до Риги, чтобы навестить детей. А уж письма – милое дело для интеллигента, писались друзьям пачками. В них, в эпистолярном стиле, как и в любом творчестве – доверительный простор для самовысвобождения от всего, что беспокоит, тревожит.

Ничего этого нынче нет – ни путевок, ни бесплатных лекарств, а пенсия, как проиндексировали ученые-экономисты, в три раза меньше прежней. И детям издалека вряд ли по средствам не то что навестить, а проводить в последний путь родителя. Да и поплакаться далеким друзьям о своих заботах накладно: стоимость конверта – это буханка хлеба, а в страны СНГ – целых две буханки. Весь этот грустный букет – невысказанность, разобщенность, душевная тяжесть – может обернуться депрессией, тяжелыми неврозами. Жизненные невзгоды влекут за собой психическое нездоровье. Казалось бы, для кого-то пустяк – коммунальная реформа 1997 года. Столичные же социологи подсчитали, что эта злая реформа явилась спусковым зарядом: на 30 процентов повысилось число самоубийств среди пенсионеров.

Анализ подобной зависимости между рывками страны к рынку и душевным самочувствием хабаровчан не в компетенции судмедэкспертов Хабаровского краевого бюро. Они лишь констатируют, что число неестественной (насильственной) смерти, в том числе суицидов за последние десять лет возросло почти втрое. Известно также, что в динамике смертей самоубийства входят в первую пятерку. В 1997 году в краевом центре покончили счеты с жизнью 446 хабаровчан, из них 102 пенсионера, в том числе 30 женщин. 1989 год дал горестную «прибавку» людей преклонного возраста. Добровольно ушли из жизни 127 пенсионеров, это более 30 процентов всех самоубийств, происшедших в Хабаровске.

Кстати, 65 лет подряд, до самой перестройки статистика по суицидам в России была строго засекречена с мотивировкой «социальные условия для подобного явления ликвидированы». Нынче этих негативных социальных условий – полный набор, однозначно свидетельствующий: жизнь идет от плохого к худшему.

Идеальная терапия – окружить пенсионера заботой, дать средства для достойного существования. Но это из области мечтаний. Потому, как это ни больно, нужно готовиться не к легкой старости. В критические минуты человек своей волей может стать лучшим собственным психотерапевтом, не доводя себя до грозного конца, и, памятуя о простой и мудрой истине, звучавшей как приказ свыше: Бог дал - Бог взял. (1999 г.)

В редакции раздался тревожный звонок от жильцов дома по улице Волочаевской: «С 10 часов утра во дворе нашего дома, близ детской площадки, лежит человек. Лет пятидесяти, не бомж, прилично одетый. Лежит уже пять часов. Вокруг него толпа детей и взрослых. Звонили в «Скорую» и милицию. Но труп не увозят и уже, наверное, окоченел на таком морозе. У нас что – Блокадный Ленинград, когда среди бела дня валяются трупы и их никто не подбирает?»

Возмущение людей понять можно. Произошло все это не на задворках города, а на многолюдной улице: в 20-ти метрах от места происшествия на Краснореченском шоссе шумит рынок, проезжают автобусы, трамваи, буквально через дорогу – отделение милиции Индустриального района. На остановке «19-я школа» валом валят пассажиры и натываются на лежащего.

Только в пятом часу вечера подошел милицейский бортовой УАЗик, и толпа рассеялась. Узнать, что случилось с гражданином и что привело к скоростижной смерти, отнюдь, дело непростое. Диспетчер на «03» сообщила, что да, такой вызов на Волочаевскую 21 был, но данные о личности умершего, вывоз его в морг – не в компетенции службы «03».

Дальнейшее расследование подтвердило, что имеющиеся при автохозяйстве горздравотдела два катафалка такого рода услуги населению оказывают бесплатно. Однако диспетчерская «скорой помощи» принимает заявки на вывоз тех, кто умер естественной смертью, в домашних условиях. Конечно, на такой огромный город две машины, если учесть, что одна из них постоянно простаивает из-за поломок, это очень мало. Родственники покойника часами дожидаются катафалка, обрывают телефон. А в частном случае, что произошел на Волочаевской, вывоз «уличных» и криминальных трупов осуществляют правоохранительные органы.

Не от хорошей жизни краевое управление внутренних дел пошло на создание специализированного отделения по вывозу криминальных и неопознанных трупов. Жертвы насилия, автокатастроф, суицидники в статистике смертей количественно крепко потеснили «домашних». В прошлом году спецзвонд укрепили техникой, людскими ресурсами и передали эту структуру в подчинение приемника-распределителя для лиц, задержанных за бродяжничество и попрошайничество.

Со скамеек и подвалов, мест бандитских разборок и колодцев, утопленников, «подснежников», изъятых по весне после растаявшего снега, висельников ежемесячно вывозят до 150 трупов. Только за 11 месяцев этого года спецзвондом доставлено в морг на Истомина более полутора тысяч. Ареал обслуживания – весь город и села хабаровского района. На линии работает три бортовых УАЗика дореформенного года выпуска, один из них, как правило, на ремонте. За смену УАЗик накручивает до 250 километров. И при всем том, экипажи не имеют возможности оперативно обслужить все заявки, которые могут поступать одновременно из разных концов города и района – смерть не знает очередности. Вот и валяется безымянный труп среди бела дня и семь часов и более, по циничному принципу: покойник подождет, ему торопиться некуда.

Если летальный исход случается с бомжем, вдали от людских глаз, свидетелями этого остаются лишь обитатели подвала или колодца. А когда вот так, прилюдно, как на Волочаевской – подобное не может всерьез не беспокоить общественность и ассоциируется с «блокадным Ленинградом».

Как выяснилось позже, в этот день и в эти часы спецэкипажи выполняли заявки на ул. Полярная, по пути захватив усопших с ул. Вяземской, в с. Князе-Волконке и на пос. Бычиха. Труп с ул. Волочаевская был доставлен в морг по пути из Бычихи лишь в 9 часов вечера. Таков удел одиноких, безродных или тех, кто вдали от дома.

Другое дело, если у умершего есть родственники, к тому же платежеспособные. Через полчаса за 150-200 рублей катафалк – к их услугам. К тому же за дополнительную плату усопший будет помещен в достойные условия хранения, без проволочек оформляется врачебное свидетельство о смерти.

При расследовании этого случая, пришлось столкнуться с новым явлением в данной, щепетильной области городских проблем, - самовывозом. О чем поведал начальник Хабаровского краевого бюро судебно-медицинской экспертизы Александр Чернышев:

- Нынче вывозом занимаются неизвестные коммерческие структуры, которые за последние годы растут как грибы. К нам, на Истомина, они не везут печальный груз, так как не имеют протокола его первичного осмотра, а доставляют в морги больниц № 3, 11, Железнодорожного района и преимущественно Дальмедцентра, где часть площадей паталого-анатомического отделения передана в аренду частным лицам.

Невзирая на повышенную сложность экспертизы, эксперт-танатолог в ответе за качественное исполнение экспертных заключений и актов исследования трупа. Все это делается с единственной целью – выявить достоверную причину смерти, ее механизм, а значит определить: смерть ненасильственная или имеет криминальный характер.

- В результате проверки судмедисследований в этом отделении Дальмедцентра нами выявлены случаи полного расхождения диагноза, неправильной степени тяжести травм. Судебно-химические экспертизы делаются не в полном объеме, а некачественное проведение их стирает подлинную картину гибели человека. В наше криминальное время такой непрофессионализм недопустим, ибо преступники, совершившие убийство, могут уйти от ответа.

О появлении в Хабаровске предприимчивых молодцов, планомерно занимающихся вывозом, давно известно экипажам катафалков горздравотдела и спецотделения: «Приезжаем по вызову, покойника уже нет. А потом родственники в панике – куда увезли? Где искать? Мы же в маршрутных листах отчитываемся - «самовывоз».

Маленькие ритуальные фирмы, в набор услуг которых входит и вывоз тела, не рекламируют себя. Их адреса не найдешь ни в одной газете. Однако «цыганская почта» в этой сфере действует исправно и по своим каналам родственникам, оказавшимся в горе, предоставляются телефоны частных лиц, оказывающих повышенные услуги. Кто «почтальоны» – диспетчера ли «скорой», участковые и бескорыстно ли предоставляют информацию – это остается их тайной. Однако ценность подобной информации не подвергается сомнению близкими усопшего. Их понять можно.

Счастлив тот, кто еще не испытал этого жуткого чувства. – Вот, в притихшей от горя комнате, с зачехленными зеркалами, лежит недвижимый любимый человек со сложенными на груди руками, на глазах меняется его прекрасный облик, и смерть во всей своей устрашающей силе овладевает им. А часы тикают, тикают, а катафалка из службы «03» все нет. Так проходит полдня и более. Да не то, что сотню, другую, последнюю рубаху можно отдать людям с носилками.

Вопреки муниципальным службам, призванным помочь горожанам, козь пришла «косая», и которым до лампочки страдания безутешных родственников, частники по вывозу чутко нащупали беспроектное средство заработка на людском горе. И верно, хоть и не профессионально, служат ему. (1999.г)

ЗА МЕДУСЛУГИ ЗАПЛАТИЛ – СИНЯК ПОД ГЛАЗОМ ПОЛУЧИЛ

[Все статьи](#)

Если бы в то не прекрасное, а точнее скверное утро Павлом Андреевичем не овладела «поэзия безотчетных поступков», не произошло бы этого конфликта. Но в том и дело, что в то утро трезвость, не в фигуральном, а в прямом смысле, отсутствовала. Коря себя и ненавидя, употребив сверхдопустимую дозу, видя мир в черном цвете, Павел Андреевич тихо, медленно умирал.

Человек интеллектуального труда, бывший медик, жестко анализирующий себя, он как мог, боролся с этим своим несчастьем. И годами у него хватало воли, сил даже в душевной компании отказаться от лишней рюмки. Последний раз он «сорвался» пять лет назад, без врачебной помощи не обошлось. И вот снова. Понимая, что сам не выйдет «из штопора», прибегнул к помощи наркологов. Но времена изменились, медицина стала платной. Наивно полагая, что за 700 рублей получит качественное лечение, жестоко обманулся. Впрочем, пусть Павел Александрович сам расскажет о случившемся.

- Поступил я в деморализованном состоянии. Вместо того чтобы ввести витамины, гемодез, который также является кардиотоническим препаратом, – два года назад я перенес инфаркт, - меня стали усиленно накачивать физиологическим раствором (позже читал свою историю болезни). На третий день я превратился в мешок с водой, хрустел, как кочан октябрьской капусты. Вода, скопившаяся в межтканевых пространствах, стала давить на сердце, легкие, подвергая смертельной опасности. Страшась отека легких, умолил врачей, чтобы направили к терапевту. Там мне оказали помощь, и я хотел вернуться домой. Это мое право! Но сопровождавший санитар пытался силой меня вернуть, обещая, как следует поддать в стенах своего учреждения. Ограничившись синяком, мне удалось избавиться от его дальнейших «услуг».

Позже, придя в себя, Павел Андреевич обратился в краевой центр психического здоровья, где ему принесли извинения за хамство и рукоприкладство санитаров и предложили вернуть деньги. Казалось бы, инцидент исчерпан. Врачи поступили по справедливости, согласно закону «О психоневрологической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», где сказано: «В случае неисполнения или ненадлежащего исполнения платных услуг пациент вправе расторгнуть договор и потребовать возмещения выплаты неустойки». Но этим правом Павел Андреевич не воспользовался, объяснив мотивы следующим образом:

- От такого лечения я мог погибнуть, а медики поставить прощальный диагноз, сославшись на специфику болезни, – допился до того, что умер. И взятки гладки. Не дает покоя, что таких бедолаг, как я, в палатах лежат десятки. А медики откровенно экономят на лекарствах. Почему же система высоких платных услуг не стала гарантом более качественного лечения и соответствующих условий нахождения пациентов в данном медицинском учреждении. Побывайте, посмотрите и разберитесь в этом деле.

Не знаю, как в части объективности методики лечения, оцененной автором письма, но при входе в отделение – обширный список аксессуаров, которые должен иметь при себе и платный пациент – от шприцов до пижамы, в том числе простыни, чашки. Впрочем, в психиатрическое отделение с тяжелыми бронированными дверями поступают больные в таком состоянии, что на первых порах не до аксессуаров – не владеющие собой, бездыханные, агрессивные. Только за 11 месяцев этого года официально, по отчету, в это отделение поступило 390 человек больных алкоголизмом. Сколько сверх, не вошедших в финансовый отчет – история умалчивает. Но, по словам автора письма, соседи по обширной палате менялись как перчатки.

10-дневное лечение пациентов в состоянии алкогольной интоксикации обходится в 2026 руб. Как правило, малоимущие, из соображений экономии больше трех дней не задерживаются, так же как и деловые, занятые люди – «почистили» кровь, алкогольные шлаки вывели – и гудбай, конечно, с надеждой не возвращаться. Но возвращаются. Когда человек срывается, без дополнительных лечебных ресурсов не обойтись. В них нуждался Павел Андреевич. Однако лечение, по его мнению, оказалось некачественным.

- Мы предлагали вернуть деньги, но больной отказался, - Подтвердили в центре психического здоровья. – Согласно нормативам, ему было назначено капельное введение растворов. О перенесенном инфаркте не знали. Дважды делали ЭКГ. Мы ему даже санитаров выделили.

Нет фактов (историю болезни не составило труда обновить), а значит, нет оснований обобщать случившееся, как и сомневаться в том, что, по словам наркологов, ветеранов центра, это единственный случай за многие годы лечебной практики, когда недовольный пациент обращается в редакцию.

Умолчанию, на предмет качества лечения в психушке, можно найти и иное объяснение. Больные алкоголизмом предпочитают не оглашать перед почтенной публикой об этой своей напасти. Психиатрические больницы – закрытая зона для взора общественности и деятельность врачей-наркологов в отличие, например, от хирургов, терапевтов покрыта флером неизвестности.

Однако размах и масштабность пьянства с его трагическими последствиями для здоровья не оставляют радужных иллюзий. У нас в крае на каждую душу населения приходится по 29 литров спирта в год. А если исключить детишек и трезвенников, то эти литры удвоятся, а то и утроятся. Не правда ли, круто на одну пьющую душу? А вот и результат: в структуре смертности, по данным статистики, смерть от злоупотребления спиртными напитками перемещается с четвертого места на третье.

Поток пациентов в психоневрологическое отделение, как отмечает его медперсонал, – непрерывен и удваивается после всенародных праздников. Экстренных больных, чья жизнь в опасности,

поставляет психиатрическая бригада «скорой» помощи. Однако общая «скорая», подчас, ошибается в диагнозе, привозит пациентов, находящихся в длительном запое. Им место в вытрезвителе, таковы нормативы – пьяный больной пусть отбуйнится, отоспится дома, а потом приходит в плановом (платном) порядке. Но измученная мать привозит почерневшего от водки сына, избитая жена ведет сопротивляющегося мужа с перевязанными, усилиями соседней, руками. Женщины плачут, чуть ли не на коленях умоляют. Как отказать?

Вот они, в обшарпанной палате-казарме, молодые и немолодые люди, казалось, совсем недавно со своими надеждами, замыслами, а сейчас, после алкогольных цунами, безвольные, путающие день с ночью, натянув на голову одеяльца, валяются на больничных койках. Что колят, какими препаратами потчуют – безразлично. Они в полной, безраздельной власти врача, санитаря. И, тем не менее, рискну утверждать: по сравнению со своими собутыльниками – они счастливчики. Уже сам факт пребывания здесь, когда под присмотром врача решительно отрывают от бутылки – действенный фрагмент лечения. Им дан шанс начать жизнь сызнова. А сколько их сотоварищей по беде, в том числе «старые русские», найдя в паленой бутылке средство примирения с действительностью и войдя в пилотаж, сутками не покидают кухни-бомжатники, не говоря уже о пауперах – людях социального дна, тусующихся у ларьков, обживших «ямы», подвалы и обреченных погибать от водки – не счесть.

Эту пеструю картину исподволь дополняют весьма уважаемые пациенты-алкоголики. Бесконечные презентации, банкеты, обмывание удачной сделки затягивают в свои сети страдающих похмельным синдромом. Имея тугой кошелек, в персональной больничной палате им только манна небесная не хватает, а взамен становятся щедрыми спонсорами наркологов. Тревога не о них, а о тех, кто, находясь в пограничном состоянии, утратив волю, не имея средств на лечебную поддержку, вот-вот вступит в последнюю стадию, угрожающую жизни.

Анализируя динамику алкогольной смертности по Хабаровску, специалисты краевого бюро судебно-медицинской экспертизы отмечают, что при алкоголизме наибольшее число летальных случаев приходится на трудоспособный возраст от 35 до 60 лет. Зимой в краевом центре от водки умирает втрое больше чем летом. И еще любопытная для аналитиков-социологов деталь из городской жизни. В некогда процветающем, а нынче обнищавшем Индустриальном районе из года в год смертность от алкоголизма в пять раз больше, чем в Центральном районе Хабаровска.

Можно ли равнодушно взирать на эти трагические детали, уверовав, что человек – кузнец собственного несчастья. А если этот «кузнец», ослабевший от литров алкоголя, еще в силах по-горьковски «следить за собой как за собственным врагом», восстал, пожелав остановиться, изменить свою жизнь – кто кроме последователей Гиппократу ему поможет? (2000 г)

ДЕНЬГИ В ШКОЛУ СОБИРАЙТЕ

[Все статьи](#)

Время совершает много перемен с человеком. На каком-то подсознательном уровне мы способны менять свое отношение к явлениям, фактам и предмету переживания. Свойство – спасительное. Казалось бы, совсем недавно, когда общественность все еще открывала для себя баунти, хабаровчан шокировали «спонсорские» взносы с пятизначными цифрами за право стать студентом. Однако сейчас с первым школьным звонком для старшеклассников, с каждой зарплатой, при этом в сердцах поминая грабильку, шкурничество, откладываем в скудный загиб составные «благотворительного» взноса, без которого твой будущий кормилец останется неучем.

На фоне всех этих житейских потрясений, принесенных рыночной экономикой, святая формула: обучение в школе – бесплатное, оставалась незыблемой. Не в счет летний ремонт классов, когда родителям предлагалось – не желаешь красить парты, приноси хотя бы белила. Или когда родители желали дать своему ребенку углубленные сверх школьной программы познания. А уж начальная школа – это особо охраняемая страна. На высоком педагогическом уровне научить детей читать, писать, считать, преподнести им основы нравственности, – было и есть делом государственным, дотационным, для железных гусениц реформ неприкосновенным.

Но вот редакция получила письмо. От молодой матери М.В.Щеголевой. Мы приводим его полностью, так как автор – в немалой степени типичный представитель нашей молодежи, кому больше всех досталось от реформ. Столкнувшись с ее очередной grimасой, 25-летняя женщина растерялась.

«Дорогая редакция, ответьте, пожалуйста, с каких пор обучение в начальной школе стало платным. Еще в мае пошла с сыном записываться в ближайшую к нам новую школу № 80. Психологи проверили тестированием его знания, ставя против его фамилии «плюсики», – ребенок смысленный. Остались довольны. Мне предложили заполнить родительскую анкету и поставили в известность, что тот, кто будет учиться не по месту жительства, должен заплатить спонсорский взнос пять тысяч рублей. Но эта школа – ближайшая к нашему дому. И где мне взять такие деньги? Год назад закончила торгово-экономический техникум, по специальности, как ни билась, устроиться не могла, – принимают только с опытом работы. Воспитываю ребенка одна, папа наш самоустранился от заботы о сыне. Если бы не бабушка и дедушка, не знаю, как бы жили. И ушли мы несолоно хлебавши. Кто мне ответит, откуда, кем утверждены «добровольные» спонсорские взносы для первоклассников?»

Маленькая драма, которую пережила Мария Васильевна Щеголева, к сожалению, не исключительный случай. С проблемой платежей столкнулись многие семьи хабаровчан, у кого дети нынче станут школьниками. Ведь грешно упрекать родителей, имеющих малые доходы, за желание отдать ребенка в лучшую школу, где в достаточно комфортных условиях учат не по старинки, понимая, что дети стали другими, где с первого класса пробуждают энергию творческой мысли, закладывают основы будущей профессии.

Именно эти достоинства отличают школу № 80, построенную по современному типовому проекту, как в чаше раскинувшую свои компактные крылья-здания среди несметного числа жилых, блеклых девятиэтажек. Сюда на машинах везут своих чад состоятельные родители из северного, южного микрорайонов и даже с Березовки. Особая гордость – плавательный бассейн, два спортивных зала. Здесь действует пять эстетических школ, студия «Стэлла». Имеется два компьютерных класса, кабинет психологии. Дети занимаются по новейшим программам Занкова, Эльконина-Давыдова, развивающие интеллект и творческие начала в ребенке. Привлекает родителей и то, что с первого класса детей обучают английскому языку. Но за все эти прелести надо платить. Лучше поздно, чем никогда, но мэр Хабаровска недавно утвердил перечень и прейскурант предельных тарифов за дополнительные платные услуги. И все-таки они высоки. В этой школе до 700 руб. в месяц – за приобщение к иностранному языку по программе Дональда Коварда. Попробуйте умножить на годы обучения? Целое состояние, не правда ли.

- А как же иначе? – защищается замдиректора М.Н. Чайка.- Педагог должен ежегодно проходить переаттестацию в учебном центре Москвы. На это нам средств не отпускают. Без финансовой помощи родителей школа не могла бы развиваться. Для того же бассейна помимо прочих расходов надо купить буйки, мячи, вот мы и продаем абонементы. У нас в школе пропускная система, к нам чужак не зайдет. За вневедомственную охрану мы платим из родительского кармана. А хозяйственные нужды? А содержание здания? Даже на мел, на ремонт стульев для школьной столовой средств не отпускают. Ремонт школы также сделали за счет родителей. На эти цели централизованно было собрано 380 тыс. рублей.

Как же учитывается, весьма, нехилый поток «благотворительных» взносов? Если припомнить, что в прошлом году бывшим директором школы № 80 была разбазарена крупная сумма от 2млн 800 тысяч руб., поступивших из городского бюджета на строительство школьного стадиона, и только, как говорится, ленивый из журналистов не писал об этом скандале. Какие защитные механизмы предложены сейчас педагогическим коллективом, чтобы оградить от бесчестных рук живые деньги?

Это, прежде всего совет школы и общественная организация «Поддержка образованию». Они с директором школы - держатели и распорядители родительских средств. Но вот что странно: председатель Совета, он и президент «Поддержки». Почему же из 1760 родителей не нашлось второго руководителя для этих очень ответственных организаций, призванных, по-хозяйски регулировать расходы денежных потоков и, кстати, не дублировать, а контролировать друг друга? Любопытен и тот факт, что поступающие от родителей средства бухгалтерия в своих отчетах не отражает. Сам же председательствующий на двух стульях родитель абсолютно уверен, что школа на верном пути и действует в соответствии с Постановлением Губернатора Хабаровского края, в котором определены условия, что, пожертвования поступают в школу сугубо на добровольных началах, через кассу и конкретно указывается, на какие цели. По мнению председателя Совета родителей и президента, все эти условия выполняются, для вымогательства оснований нет:

- Школу надо выбирать по карману. Не хотят учиться в «традиционке», родителям предлагаем написать заявление: «Прошу принять спонсорский взнос...». А это уже благотворительность!

Просто, как бином Ньютона. Заметьте, «предлагает школа», не родители, но это не тот бином, где все выверено без утайки. До чего живуча у нас способность, праведное дело обернуть в несправедное. В частности, без угрызений совести оставить на обочине образования, возможно, одаренного ребенка, коль не слышен шелест ассигнаций. Да и о самих «пожертвованиях», на какие цели и нужды идут, родителей особо не оповещают, об этом известно лишь узкому кругу.

И еще деталь. Строительство школы № 80 было задумано, чтобы разгрузить соседнюю, старую школу № 13. Но получилась странная, лукавая вещь - к новой приписали лишь всего шесть домов на ул. Карла Маркса. При проверке на соответствие микрорайона обнаружилось неслыханное: в счет этих шести, почему-то попали - рынок Али и помещение магазинчика «Пиши, читай».

Что имело в виду управление образования г.Хабаровска, приписывая школе № 80 не детей, а торговые точки – расшифровке не поддается. Ясно другое, главное образовательное учреждение города обеспечило широкую возможность красивой школе набирать платных учеников не из своего микрорайона. И уже в июле почти все четыре первых класса были укомплектованы преимущественно «пятитысячниками».

Зато средняя школа № 13, на сей счет, не оставлена в обиде. Ей определен микрорайон необыкновенной широты. Однако сюда родители не спешат вести детей.

- А ведь у нас педагоги ничуть не хуже, чем в восьмидесятой, - с грустью говорила зам директора В.П.Костромичева, сиротливо изучавшая сметы на ремонт кровли. – Просто мы бедные. Готовы набрать всех, как раньше, без всяких взносов.

Многие, кто способен внести плату, ушли в восьмидесятую. Остались малоимущие, безработные, неполные семьи. Как с них-то плату брать? Вот и нет в школе ни охраны, ни компьютерных классов. И не предвидится. Откуда взять такие огромные средства, если в штатном расписании даже вахтер не значится. Кто-то же должен давать звонок на урок, следить за порядком в вестибюле. И здесь школа не могла обойтись без помощи родителей. Складываются по четыре рубля в месяц, конечно, кто может.

Две школы - два контраста. Одна – обречена на трудное выживание, другая процветает за счет поборов. Факт нарушения Закона об образовании подтверждает в своем комментарии Первый заместитель министра Министерства образования Хабаровского края И.А. Иванцева. По ее словам, нет нормативных документов, которые бы позволяли при приеме в первый класс требовать деньги за обучение у родителей. И тем более исключаются спонсорские взносы по принуждению. Уже тот факт, что школа изымает у родителей деньги до момента обучения ребенка, квалифицируется как взятка.

А между тем, так называемое спонсорство, столь распространенное в лучших школах, возникло не сегодня. В той же восьмидесятой этим занимаются со дня ее открытия, пять лет. И с каждым годом взнос дорожает. Скрыто и неуклонно. К чему это ведет? Волею рыночных отношений и вседозволенностью, вслед за чудовищным расслоением общества полным ходом идет социальное расслоение образовательных учреждений. Как смягчить этот процесс, сделав подконтрольным, как воскресить справедливость, создав равные стартовые условия для обучения маленьких граждан - не риторические вопросы. На них потребует ответить неумолимое время, и высшая целесообразность, ведь завтрашний день Хабаровска подрастает сегодня за школьными партами. (2002 г.)

В этом доме 18 «г» по ул. Политехнической Мария Величко с сыновьями прожила 30 лет. Судьба ее как зигзаг неудачи, и чертила этот мрачный знак Мария собственными руками, ибо всеми художествами повелевала бутылка.

Соседи, между прочим, помнят, что при муже-трезвеннике она жила в достатке. Но когда тепло и свет в домашнем очаге силой любви и заботы не поддерживается, происходит неизбежное – он гаснет. А здесь и того хуже, не пожелаешь и врагу – муж ушел из дому и пропал без вести. Старший сын, по показаниям врачей-психиатров, инвалид I группы, которого старая мать, будучи в любом состоянии, кормила с ложечки. Младший, 35-тилетний Владимир - алкоголик. И как следствие, в дом уже давно вползла нищета.

Полная деградация семьи, в которой вроде виновато не государство, а сам человек, опустившийся по собственной воле на дно. Стоит ли пристально вглядываться в судьбы этих заблудших неудачников, балласта общества? Однако оба сына Величко учились в техникумах, в доме водились книги, скандалов не бывает, отношение к соседям почтительное. Когда жильцы их подъезда решили сделать ремонт на лестничных площадках, Мария вместе со всеми белила, красила. Всем подъездом устанавливали железную входную дверь, – и здесь не осталась в стороне.

Первой о смерти 75-тилетней Величко узнала старшая подъезда - этот статус неофициально, но по общей воле жильцов и давно обрела пенсионерка, добрейшей души человек М.В. Глухова. На долю М.В. Глуховой выпало испытаний с избытком – гибель семилетнего сына Ванюшки, смерть брата, мужа. И оставшись на старости лет одинокой, а таких в подъезде большинство, она познала цену людской поддержки на крутых изломах жизни.

Когда муниципальный катафалк увез тело Величко, завернутое в лохмотья, пенсионерки - бывшие врачи, геологи потеряли покой, сменяя друг друга, неотлучно дежурили у дверей покойницы: в наглухо закрытой квартире оставался тяжелобольной старший сын усопшей. А младший молча пропивал остатки материнской пенсии (получили за три дня до смерти). Лишь с помощью милиции удалось проникнуть в квартиру.

- Юрий, инвалид, не кормленный дней пять, еще был жив. На носилках его унесли в «скорую». В квартире голо и пусто, если и была церковная мышь, то сбежала, - рассказывает М.В. Глухова. – Тогда организовали собрание жильцов. За пять минут – все на клетке, такой у нас порядок. Повестка собрания: будем предавать земле Марию как невостребованную (у сына ни копейки и душа пропита) или похороним по-человечески?

Различие в погребении весьма существенное. Невостребованные – это неимущие, одинокие или те, от кого отказались родственники. Их так и называют – «отказники». Хотя церковь утверждает, что если душа отлетела, то тело – «опустевший дом», но он тоже требует последнего ухода. Хоронят безродных неприбранными, неомытыми, в тех грязных лохмотьях, в каких застала смерть. Заворачивают в целлофановый мешок, предоставляют гроб и даже стандартный крохотный обелиск над могилкой, а раньше ставили колышек – все это входит в гарантированный перечень услуг по погребению невостребованных. И отвозят на погост партиями. На городском кладбище для них нет места. Погружают в кузов машины, где помещается, если плотно, 18 гробов в два этажа (чтобы лишние километры не наматывать из-за одной или двух персон) и везут в с. Анастасьевку. Там уже давно прописалось специализированное кладбище для подобной категории покойников.

На собрании у жильцов подъезда второго мнения не было, хороним по-людски. Здесь же принесли одежду, для покойницы выбрали лучшее, и с узлом направились в морг. Сотрудников его, в связи со спецификой работы, уже трудно удивить. Но когда бедненько одетые пожилые женщины назвали соседями усопшей М.Величко, уже приобщенной к невостребованным, всегдашнюю невозмутимость медрегистраторы утратили, проявив живой интерес к нуждам посетительниц. Однако расценки на ритуальные услуги остаются для всех одинаковыми.

- Считали упорно – омовение, одевание, венки. Насчитали 480 рублей. Собрали эту сумму в тот же день. А так как в нашем подъезде одна беднота живет, - поясняет Марья Владимировна. – Пришлось собирать со всего дома. Предупредила: какие реплики нехорошие услышите, уходите, не просите. Все,

что смогли для Марии сделать: крестик на грудь, на ленточке венка написали: «Дорогой Марии от соседей и сына», а куда его денешь, Володьку. Две гвоздички живые купили. А за гирлянду уже с нечего было платить. Но похоронили ее, как достоин того и малый человек, – чистенькую, благостную, и могилка у дороги. Пойдем на кладбище навестить, обиходить могилы своих родных и к Марии зайдем.

В наши дни судьба и бесславная кончина Марии Величко, матери сыновей, оказавшейся безродной, как ни больно утверждать – явление довольно типичное. А вот тот факт, что чужие люди, взяв на себя обязанности родных – исключение. В мутной реке жизни, в которую нынче ввергнуты низшие слои общества, появляются спасительные островки, освещенные добротой, сердечностью таких же бедняков. И протянутой руке помощи тому, кому еще хуже, нет цены. Однако на всех рук, добрых движений души не хватит. Судите сами. С 1995 по 2000 годы в Хабаровский морг поступило 4677 невостребованных и неопознанных (их тоже никто, кроме милиции, не ищет). Это почти 20 процентов умерших в краевом центре. А между тем у медрегистраторов Хабаровского морга скопились дюжины заявлений «отказников» - детей усопших, жен, мужей, смысл которых один: «Хороните, как хотите. На погребение средств нет».

Только за три месяца нынешнего года 135 покойников были отправлены на погост в Анастасьевку, так и не дождавшись ни близких, ни знакомых. Это почти в два раза больше, чем на тот же период прошлого года.

Человек не должен умирать один, ведь подобная, горестная динамика безусловно свидетельствует об ухудшении и без того скверного здоровья общества: каждый пятый хабаровчанин из ушедших в иное невозвратное пространство был кричаще одинок, нищ, лишен душевного последнего пристанища. Можно лишь абстрактно, напрягая воображение, представить себе, как опустошенно жили эти люди, в каких нечеловеческих условиях завершали пребывание на нашей земле. Их уход «в ту страну, где тишь и благодать» без тени родного существа, не будет заселен ни в чьей памяти. (2001 г.)

II. ВСЕ ТАЙНЫ В НАС

БОЕВАЯ ПОДРУГА ПИСАТЕЛЯ КЛИПЕЛЯ

[Все статьи](#)

Они идут рука об руку по жизни 55 лет. Их повенчала война и как бы в отместку за тяжкие испытания, вопреки пережитым бедам, эта удивительная по силе любви, духовной близости семейная пара по сей день не утратила бережного, трепетного отношения друг к другу, к жизни, созидательному творчеству, когда познана чарующая красота дерева, слова, камня, составляющая смысл бытия главы семьи В.И.Клипеля. А семья – четверо детей, десять внуков, есть правнуки и все рядышком. Эпицентром семьи Клипелей, нешумно диктующим погоду в доме, причем только ясную, солнечную, всегда оставалась жена писателя.

Впрочем, тогда, после Витебской операции, близ литовской полувыгоревшей деревни Иодайце, где судьба свела их, старший лейтенант медицинской службы 20-летняя Марийка Бойко о писательском даре будущего супруга гвардейца-майора не догадывалась, как и он сам. Не до того было. Под шрапнельными прыгающими минами, под гибельной вой зениток Марийка спасала раненых. А после армейских разведкурсов вела солдат в самое пекло на поиски языка.

В истории Красной Армии был единственный случай, – это стало известно позже из архивов, - когда разведывательным взводом командовала женщина. Ею была М.Бойко, девчонка из украинской

глубинки, села Рубаный Мост. Она ребенком осталась без мамы, в четырнадцать лет с деревянным чемоданом, набитым учебниками, где пешей, где с оказией отправилась в большой город Киев учиться, а в шестнадцать добровольцем бесстрашно шагнула в войну.

Маленькая, скульптурной стройности и хороша собой до обалдения. Так что в 5-м гвардейском стрелковом корпусе не было таких, кого еще раз, как бы невзначай, не повлекло заглянуть в ее спокойные цвета мягкой бирюзы глаза. Прослыв недотрогой, Марийка игнорировала ухаживания: у «статуетки» оказалась рука тяжелая. О замужестве не помышляла, лелеяла мечту в мирные дни учиться. В вещие сны не верила. И скажи ей, что в плащ-палатке, длинноногий, худоба, пришедший к ней во сне, реален, существует, - никогда не поверила бы. Да если и так, суженый, как расшифровала сон фронтовая подруга, офицер-гвардеец Шура Ребрина, - такой долговязый ей совсем ни к чему. А получилось очень даже к чему, и на всю жизнь.

После Брасдорфа, что на Земландском полуострове, где за два месяца до Дня Победы Клипели отпраздновали скромную свадьбу, их в составе 39-й армии перебросили на Дальний Восток. Но сколько на дорогах войны Марийка насмотрелась таких фронтовых свадеб, подчас мимолетных, не обязывающих. Случай представился им зарегистрироваться в Хабаровске.

Даже при изрядной фантазии нынешним молодоженам трудно представить тот свадебный кортеж, что выпал на долю Клипелям по пути к ЗАГСу. Это было уже в Порт-Артуре. После выполнения ответственного боевого задания В.И. Клипелю дали трехдневный отпуск для регистрации брака в родном Хабаровске, где семь лет он не видел отца с матерью. Пассажирские поезда не ходили – свирепствовала холера, добирались на товарниках, а когда, считай, полпути было преодолено, дальше хода по железной дороге не оказалось. В местном автобате в рейс выходила траурная колонна – везли павших солдат. Их, прикрытых в кузове рогожами, на несметных дорожных ухабах подбрасывало вместе с единственным живым пассажиром. Ветер срывал рогожки. Сидящей в кабинке невесте, на кителе которой под шинелью тяжелел орден Отечественной войны 1 степени, было не по себе. Но на войне за четыре года такого насмотрелась, что девчоночий страх могла унять.

А вот в первые пять мирных лет наступали такие лихие минуты, что малодушная, менее терпеливая вряд ли выдержала. Какая, спрашивается, мать может спокойно взирать, что ее дитя так оголодало, что в два года на ножки не встает – дистрофия. Добытая ложка рыбьего жира – как дар небес, так же, как пара печеных картошек. Жили без собственного угла, подчас без хлебных карточек. Молодым супругам война не дала доучиться. Художественные мастерские 20-летний Владимир Клипель сменил на солдатскую казарму. Отгремел салют Победы, вся грудь в орденах, а снял военную форму и кормильцем не назовешь. Рисунок, кисть влекли к себе, пробуждался интерес к слову, и пережитое на войне, боль и подвиг, в живых образах неистребимо призывало к перу. Но сначала надо было думать, как семью прокормить.

За первые пять лет после войны у Марии Иосифовны было уже трое детей. И поняла, что глава семьи добродетельной сиделкой при них не будет. Это же надо, родилась старшая, а папка увидел ее, уже любя, вместо того, чтобы в восхищении взять на руки – за пилотку, ведра и к колонке за водой. Потом оправдывался, что, мол, боится своими ручищами к такому хрупкому сокровищу прикоснуться. Одним словом, дети с их пеленками, ночным плачем, болезнями были сугубо ее прерогативой. А еще и работа. В поисках ее и жилья два года мыкались по свету. Спасибо добрым людям! В Хабаровске на Пехотном (ныне район 56-й школы) наконец-то устроилась участковым фельдшером.

Балетка со стерильными шприцами всегда при ней. Могли вызвать днем и ночью, машин «скорой помощи» тогда не было. Возвращалась под утро, стирала, мыла, готовила. Находила свежую стопку клубных киноафиш, на обороте которых муж писал свой первый роман. В крохотной комнатухе и стола рабочего не было. Его заменяла планшетка на коленях, а чернильница – флакончик из-под пенициллина всегда при себе. И как умудрялся не пролить чернила в нагрудном кармане, оставалось для Марийки загадкой. А вскоре художнику-оформителю офицерского клуба В.И.Клипелю предоставили, хотя снова в коммуналке, целые две комнаты. И здесь произошла сцена, достойная пера Зоценко. Прознав, что комнатуха освобождается, две семьи соседей, тоже офицеры запаса не спали ночь, разрабатывая план атаки на освободившуюся жилплощадь – кто первый овладеет, и на подступах к дверям пустили в ход шифоньеры. Выйти с узлами невозможно, уговоры не помогают, дети плачут,

грузовик ждет. И тогда Мария Иосифовна хватает из узла лампочку и, как гранату, бабахает ею об пол. От тихой, интеллигентной соседки подобного не ожидали, шифоньеры поползли на исходные позиции.

Да сколько в прожитой жизни было таких ситуаций, когда духовная сила этой маленькой женщины, обожженной войной, оборачивалась надежной опорой большой семьи, источником вдохновения начинающего писателя. Она была его первым читателем, самоучкой-критиком, интуитивно чувствующей верную интонацию, звонкую строку, энергию мысли. Помогала мужу бороться против сомнений, не досаждая упреками, несла на себе непростой груз повседневных забот. Их крепило нравственное единение и нерастраченная в быту любовь.

Вот почему они не пожелали расстаться на два года, когда мужа послали учиться в Москву на высшие литературные курсы. Заявиться в священное писательское гнездо страны со своим семейным кораблем из провинции — да ведь это нонсенс для элитных обитателей Переделкино. Но дети из далекого Хабаровска вели себя скромно, одеты чистенько, в песочницах с отпрысками именитых писателей в кулачные бои не вступали. Вот если только продавщица гоняла: трое ребятишек мал мала меньше стоят у витрины, где диковинные сласти – пастила, зефир в шоколаде, вафельные торты, и пальчиками по стеклу мечтательно тыкают. Что ж поделаешь, у отца на всю семью стипендия 80 рублей, не до зефира.

Сколько себя Мария Иосифовна помнит, не то, что роскоши, особого достатка в их семье не было. Обновки покупались в исключительных случаях. Даже в роддом поступила в гимнастерке без ремня, а с войны мечтала о гражданском пиджачке. Вечно она что-то перелицовывает, штопает, перешивает. И вся мебель не магазинная – шкафы, книжные стеллажи, кухонные шкафчики сработаны руками Владимира Ивановича, да так, что не уступят фабричным гарнитурам. Смастерил огромный круглый стол на мощной резной «ноге», под ним, как под волшебным зонтом в некоем царстве-государстве, неслышно играли дети, стараясь не наезжать на отцовские домашние тапочки, пока он работал над очередным романом. Это называлось «Отец за детьми присмотрит». А по большому счету пылинки с повзрослевших детей не сдували, к дармовому куску хлеба не приучали. Старшей, окончившей восемь классов, отец по-горьковски строго заметил про оборотную сторону медали, и пошла она получать специальность. Став десятником, на лесоповале в глухой тайге под ее началом работали сорок мужиков, в основном амнистированных. Их девчонка по наивности не боялась, а вот близ барачников змей...И мама кинулась в Селихино на подмогу.

Четвертого, Ванюшку, Мария Иосифовна родила в 36 лет. Из роддома ее забирали старшие дети. Отец был в двухмесячной экспедиции на Чукчагире: начиналась весна, и он на все лето, прихватив походный мольберт, уезжал на природу, питавшую его дух, фантазию, интеллектуальные силы. Без этих странствований по нехоженным тропам он не представлял высокого творчества.

И было закономерно с первыми звонками почтенного возраста, когда дети выросли, обрели свои семьи, уехать жить в Виноградовку. Пусть с печкой, дровами, водой из колодца. Но вот они – синие снега, близкий лес, и душа молодеет. Здесь хорошо работается. В Виноградовке были написаны две книги «Исповеди». Жизнь в глубинке ничуть не изменила многолетних невинных привычек Марии Иосифовны – хоть гостей и не предвидится, здоровье пошаливает, к столу она выходит при прическе, в опрятном платье, в домашнем халате и на кухне не появится. Возраст не помеха для женственности, как и для исповедального признания: «Я любил...Не знаю, откуда у меня брались силы, но я работал как одержимый, и все у меня получалось». Светлое обаяние этой немолодой семейной пары, в чьей жизни, как, может, ни в какой другой, отразилась судьба и душа старшего поколения, пожалуй, не уложишь в четкие формулы житейской добродетели. Но уж точно это о них поведал поэт «Кто скажет нам, что жить мы не умели?». (2002 г.)

Эти бесхитростные строчки стихов Виктора Еращенко, за которыми, если вдуматься, целый пласт мятежной, несвободной жизни поколения шестидесятников, к которому принадлежит мой собеседник, вспомнились не случайно. Ученый секретарь Приамурского географического общества В.И.Симаков, в процессе беседы признавшись: «Люблю Некрасова, Есенина, Кольцова и Еращенко», уверен, что вся поэзия его друга и духовного брата В.Еращенко – чистое, незамутненное зеркало той послевоенной эпохи, когда они осмысливали себя, время, радовались – были упоительно молоды, и недоумевали. Однако безусловно и отчаянно верили, что есть, в конце концов «какой-то лучшей, высшей жизни отблеск».

Поэт, рано ушедший из жизни, не успел ощутить этот отблеск. Но свет его, решусь заверить, с полнотой озарил В.И. Симакова. Почему смею? А просто – десятки лет живем в одном городе, творческие пути скрещивались с тех далеких пор, когда Валерий работал в студенческой многотиражке. По натуре деликатный, застенчивый человек, он приносил в краевую газету постановочные статьи об институтской жизни. А позже, уже сотрудник агентства по защите авторских прав (ВААП), окрыленный своей новой миссией, уподоблялся чуткому поисковику лучших монографических работ хабаровских ученых, чтобы о них знал весь мир. Видела я его и подавленным, при потушенных огнях – оказался безработным. Но черная полоса лет двадцать как осталась позади. Имя Симакова на слуху хабаровских интеллектуалов, для них он – «скорая помощь»: в трудную минуту географическое общество принимает на себя разрешение, казалось, неразрешимых проблем сведущих людей края.

Свидетельством того, что лучший кусок жизни, в смысле творческой отдачи, Валерием Ивановичем прожит достойно, – чуть ли не метровая стопа голубых, алых, зеленых папок с приветственными адресами от краевых департаментов, комитетов, ассоциаций всех мыслимых уровней. В каждом из них, будто сговорились – комплиментарные, взвешенные слова: о беззаветном служении В.И. Симакова географической науке, неценимом вкладе в историю, экологию, раскрытию оставшихся «белых пятен» родного края, подвижнической деятельности, организаторском таланте, философском и писательском даре. – Накануне Валерий Иванович отметил 60-летие.

Иной юбиляр, начитавшись подобных восторженных признаний в свой адрес, выгнул, что называется, грудь дугой, почил бы на лаврах. А у моего собеседника – неизбывная озабоченность, всегдашняя грустинка в лице. Отнюдь, не от того, что сорвала его в неурочный час.

Дня три не могла застать Симакова в кабинете на Шевченко 9. Ведь для него остается в силе правило – чтобы дело географического общества энергичней продвигалось, негоже просиживать штаны в этом уютном кабинете. А дела у ученого секретаря крайне неотложные. Нужно подготовить экспедицию в Аяно-Майский район, там свершилось чудо природы – реки ушли под землю. Вот и бегал по инстанциям, выбивал средства, да вот с транспортом задержка. А сегодня весь день пробыл на Тарабаровых островах, с группой ученых проводил исследование водного режима пограничных Амурских протоков. После такого турне, вечером дома бы чаек расслабленно попивать, да развалюсь в кресле переключать кнопки телевизора. А он с островов – к себе на Шевченко. За окном поздний вечер, а телефон не умолкает, и абоненты привыкли к подобному режиму работы ученого секретаря.

С почтением, рассматривая груды приветственных адресов, размышляю вслух:

- Если бы лет двадцать назад, когда вы, Валерий Иванович, остались без работы, без средств к существованию, провидец сказал вам, что получите такое высокое признание общественности края, поверили бы?

- Никогда не думал о подобных почестях. Поверь, не ожидал. Но если ты говоришь о том печальном периоде моей жизни, когда был уволен из ВААПа, то ли за «великорусский шовинизм», то ли за то, что показал свою брошюру американцу, то, конечно, скверно было на душе. Но не отчаивался.

И я знаю почему. Работа по перепубликации научных трудов ученых-дальневосточников по всему миру принесла добытчику их неценимую пользу – Симаков оказался в гигантском потоке информации, которая оборачивалась в нем в предмет раздумий, в новые знания, и бесследно этот процесс осмысления исчезнуть не мог. Более того, полученный багаж помог ему безупречно вписаться в новые должностные обязанности.

Без аналитического мышления, умения говорить на равных с академиком и самородком из народа и, попросту, умной головушки, вряд ли выполнимо главное назначение географического общества – искать и находить талантливых людей в различных отраслях науки. А в Приамурском обществе

Симакову удалось создать мощный мозговой центр сподвижников-энтузиастов, равнодушных к судьбе Хабаровского края, его процветанию. Это их заботами и выверенными действиями Шантары объявлены заказником республиканского значения, чему предшествовали исследовательские работы в экспедициях на острова. Удивительное явление природы – тысяча лебедей позвали в безлюдный уголок края на озеро Мухтель, где были проведены физико-географические исследования «сладкого» для водоплавающих птиц озера. А в заливе Александра обнаружены караси с поврежденными глазами, что породило пока самые невероятные объяснения причин: патология или природа рыбкам такую «козу» подстроила. Симакову удалось направить две экспедиции на далекий, затерянный в Охотском море остров Иона, до последнего времени неизвестно кому территориально принадлежащий, то ли Сахалину, то ли нашему краю.

Сведущие люди поставили цель аргументировано ответить на вопрос: как жить и хозяйствовать на Дальнем Востоке, разработали подходы к анализу этой проблемы. Приамурским обществом эта работа была опубликована, как и сборник научных статей участников семинара к 350-летию похода Е.П.Хабарова, а также книга «Российское Приамурье: история и современность», в которой помещены исследовательские работы 60 авторов, представляющих весь цвет дальневосточной науки.

Как в последнюю инстанцию в географическое общество приносят рукописи, например, о процессах осадконакопления в атмосфере над бассейном Амура или о нанайских древностях озера Хумми, оригинальные работы, но, увы, в наше рыночное время обреченные оставаться в единственном экземпляре. Чутко реагируя на изюминку, новизну в исследованиях, Симаков не оставит автора в долгом ожидании. А в целом, его издательская деятельность с серией книг, знакомящих дальневосточников с жизнью генерал-губернаторов Приамурской земли – особая, большая глава для будущих исследователей. Меня же привела в Приамурское общество недавно изданная монография В.И.Симакова, счастливо попавшая мне в руки.

Заголовок ее, по правде говоря, поначалу отпугнул: «Принятие учения Демокрита на Руси или введение в русскую интеллектуальную историю (интеллектология)». При чем здесь, когда в мире все пошло вверх тормашками, древнегреческий мыслитель и интеллект русича? Стала читать и уже не могла оторваться. Поразила не только мощь энциклопедичности познаний автора – в библиографическом списке более 400 литературных источников (это же надо перелопатить почти полтыщи книг!), сколько широкомасштабность замысла – рассказать о зарождении, перипетиях становления, взлетах и спадах интеллектуальных ресурсов в нашем Отечестве от Дорюриковской Руси и по Ельцинскую эпоху. Чтение пробудило вопросы. Например, каким образом предметом историко-философских исследований хабаровского автора, уроженца приамурского села Солонцы, стал, немного немало, а интеллект нации. Как все это совместить? Понимая мое недоумение, автор мне кое-что растолковал.

- Мыслительная способность, умственное начало у человека – это генератор прогресса любого общества. Без знания точной картины своего интеллектуального развития нам невозможно хотя бы приблизительно определить свое место среди народов, населяющих землю, в частности, разобраться в причинах очередных «великих» беспорядков, а значит выбраться из трясины, в которой оказались. Не от этого ли незнания своей интеллектуальной прошлой истории все чаще говорят о некоей «загадочности», «исключительности» русской души, которые мы безрассудно топим во властолюбии, лени, пьянстве. А наши недоброжелатели эту самую «загадочность» квалифицируют как невежество, «топорность», чуть ли не «туземство».

- И все-таки, сделаем акцент, – с чего начинается «мысль», пробуждается интеллект? Им отмечены лишь исключительные люди?

- Весь мой опыт проникновения в данную проблему, - а этим я занимаюсь всю жизнь, – свидетельствует: интеллект заложен в каждом ребенке изначально, при условии здоровых родителей. Природа мудра, распорядившись таким образом, что, к примеру, олененок, только что, родившись, вскакивает на ножки и бежит за оленихой. Младенец из роддома не побежит, однако он все слышит, понимает, усваивает. И родителям дан шанс, не ждать когда подрастет малыш и будет поздно его воспитывать. Окружающая среда, сама атмосфера в семье, позже в школе – злой или добрый раздражитель, побуждающий к осмыслению и действиям.

- Не будем искать примеров на стороне. При каких обстоятельствах для вас, мальчишки с приамурской глубинки, прозвучал первый посыл: - «думай!»

- На первый взгляд с банальных вещей. Будучи пацаном, я задал себе вопрос: «Кто или что я такое из себя представляю?» Зарылся в книги. В Богородске, где учился, была довольно богатая для района библиотека.

В 16 лет юноша впервые увидел икону, взор не мог отвести, решив, что это картина в миниатюре. И еще деталь. Жители его родного села Солонцы – переселенцы с Нижней Волги, люди свобододолюбивые, без догм, поклоны не били, молитвы не навязывали, и «мысль моя летела вольно».

Солонцы – село красивейшее. Но когда в составе военно-топографического отряда Симаков за три года действительной службы обошел с теодолитом земли БАМа, ослепительная волшебная первозданность природы сумела его сердце окончательно «озадачить»: человеку так много дано, почему мысль его дремлет и дитя Земли не в гармонии с природой живет. Уже в пединституте, на историческом факультете углубился в верхний слой книжных миров. Профессора Светачев, Лерман, Красноштанов, Свердлов были для него добрыми фонариками, освещавшими безмерные глубины человеческого разума, рассеянного в тысячах фолиантах. Изю дня в день в нем свершалось так, как это понимал Набоков: «Главное, чтоб все было одним безостановочным ходом мысли. Очистить мое яблоко одной полосой, не отнимая ножа».

И снова я возвращаюсь к прозе жизни, которая есть быт и борьба за биологическое существование. Как можно было в 60-е годы думать о Декарте и Демокрите, когда неустроенность, безденежье и нужно растить двух дочерей

- У меня прекрасная жена. Людмила Ивановна. Она педагог и сразу поняла с кем «связалась», философ – не добытчик материальных благ.

На шее ее не сидел. Когда прижимало, в кармане ни гроша – шел по вечерам в депо грузить. Эти трудовые десанты не раз совершал с Виктором Еращенко. Работая в ВААПе, получали зарплату равную пенсионному пособию, что не мешало Виктору писать прекрасные, прозренческие стихи, которые не публиковали и не кормили. А Симаков с муками и упоением работал над историей атомного учения и его основоположнике Демокрите.

- После прочтения вашей монографии, меня все-таки не оставляют сомнения – почему вы утверждаете, что учение Иисуса Христа менее плодотворно, в интеллектуальном смысле, чем философские постулаты Демокрита?

- Приняв пришедшее из Византии учение Иисуса Христа, русская государственная машина, сама не ведая о том, залила Русь, умы русских людей светом учения великих древнегреческих мыслителей – интеллектуалов неизмеримо более высокого класса по сравнению с «отцами» церкви. Но церковь, с ее воинствующим монашеством, затворничеством, догмами оказалась лидером. В познании мира и человека, - а это одна из сверхзадач интеллектуалов, любая религиозная догма была бесплодна, ибо она не развивала, а исключала интеллектуальное, образное мышление, удерживая человека от стремления знать все то, что было наработано пылливой человеческой мыслью других народов. Но, несмотря на противодействие церкви, жесткие плети режима, Россия, не без помощи древнегреческих мыслителей подарила миру сотни светлых умов – маяков, интеллектуалов

- Если пунктирно, с каким багажом в этом плане Россия пришла в XXI век и как много накопила на протяжении прошлого столетия?

- В России к 1917 году интеллектуальное производство – так я называю систему формирования высокообразованных, думающих специалистов, достигло мирового уровня. А потом все повторилось как тысяча лет назад, когда Владимир I Святославович провозгласил учение И.Христа единственно верным учением. Его тезка Ленин, забыв о седой старине, повторил: «Учение Карла Маркса всесильно, потому что оно верно». Процесс обращения в серию новых учений – марксизма, ленинизма, сталинизма осуществлялся проверенными методами: «Добрыня крестил... огнем, Путята – мечом». Сталин напрямую уничтожал, его последователи интеллектуалов запикивали в психушки, в лучшем случае лишали гражданства, изгоняя из страны. Между тем была достигнута полная грамотность, росла сеть вузов. Однако гарантом преуспевания интеллектуала-специалиста считалось верное служение «измам», в ином случае ему приклеивалось мнение «сверху» – «не наш человек». Все это испытано на собственной шкуре.

- А кого из недавних правителей вы назовете интеллектуалом. Хрущева? Брежнева? Ельцина?
- Все они в одном ряду. Многоопытные, не очень образованные. А как говорил Горький «Опыт ведет к аморальности». Приплюсуйте к человеку без интеллекта неограниченную, бесконтрольную власть, вседозволенность – получите искомое.
- Валерий Иванович, вы настойчиво, я бы сказала, истово делаете акцент на интеллекте, но он подразумевает, прежде всего, духовность, которая остается за кадром ваших исследований
- «Две вещи наполняют душу все новым и нарастающим удивлением и благоговением, чем чаще, чем продолжительнее мы размышляем о них – звездное небо надо мной и моральный закон во мне» – вслед за Кантом могу повторить я. Интеллект питает духовность, нравственные начала в человеке. Но эти вопросы станут предметом моих исследований в следующих книгах.

МЫ С ТОБОЙ НЕРАЗЛУЧНЫ ВДВОЕМ

[Все статьи](#)

В нашем садово-огородном обществе «Клен» на своих сотках скромно трудится В.П. Боликов, отзывчивый, бескорыстный человек. Дачникам известна его доброта, готовность прийти на помощь – привить яблоню, наладить колонку, да мало ли какие еще возникают проблемы! Но самое примечательное – у него есть ненаглядная и единственная Слава Ивановна, жена, друг. В наше время, когда так легко разрушаются семьи, супруги Боликовы образец того, как надо ценить друг друга, беречь и любить, будто встретились впервые, а не полвека назад. Расскажите об этой семье людям.

Е. Константинова

Не знаю, как насчет пылкости чувств, когда человеку далеко за семьдесят, но нынче, когда Слава Ивановна поехала навестить детей в Комсомольск, то в домашнем перекладном календаре до ее возвращения ни один листочек не был сорван. «Жизнь остановилась», - пояснил, не смущаясь Виталий Петрович, человек немногословный, в эмоциях сдержанный. А в письме в Комсомольск внуку, пятикласснику Артему, с которым давно налажена мужская переписка, как бы между прочим приписал: «Шепни бабушке на ушко: соскучился, сильно жду». А прошло всего-то две недели. Не правда ли, удивительно. Понятнее было бы, коль пожилой человек маялся от безделья, а то ведь занялся ремонтом – готовятся к золотой свадьбе, каждое свободное от дежурства утро мотается на дачу, закручивает на зиму огурцы, патиссоны.

К встрече жены готовится с вечера. Делает генеральную уборку, фломастерами оформляет плакатик: «С приездом, любимая!». На вокзале появляется задолго до прихода поезда. Стоит на утренней платформе, а, завидев в окошке вагона родное лицо, испытывает «бальзам на душу» и весь светится радостью.

Так было всегда. По молодости им редко удавалось вместе проводить отпуска. У Виталия Петровича они выпадали на зиму, ибо сначала он отвечал за судьбу урожая одного совхоза, а позже всего Вяземского района. Однако приветствовал отдых жены летом. Но, еще не проведив, не давая вида, уже тосковал о предстоящей разлуке. Если же выпадала редкая удача вместе поехать в Шмаковку или в санаторий «Уссури», то супругов Боликовых всегда признавали самой привлекательной и компанейской парой. Виталий Петрович – высокий, под 190, стройный, легкий на подъем и жена подстать ему, южно-русской красоты, общительная, с выдумкой. В свои 60 стала королевой бала, оказалась самой элегантной и загадочной - муж сделал три нитки разноцветных бус из желудей, сплел венок из синих колокольчиков и кукушкиных башмачков. И приглашая на танго «Счастье мое я нашел в нашей дружбе с тобой», ставшее семейным гимном Боликовых, был горд и счастлив более самой «королевы».

«Слава Ивановна продлевает мне жизнь», - за этим признанием груз пережитого, нездоровья, связанное с осколочными ранениями, боль утрат, которые в одиночку вряд ли преодолеть. В.П.Боликов из того поколения военных юношей, которое могло выжить только в порядке исключения. Не чудом ли было тогда, в 43-м, после жесточайшего боя, в могильной тишине услышать голос свыше: «Сержант, ты здесь?». А тот, кто спрашивал, стоял, не ведая о том... на каске наглухо засыпанного землей в окопе и истекающего кровью пехотинца Боликова. Та же гибельная, последняя мысль – заживо, по-дурному умираю, холодом пронзила его, воздушного стрелка, на 37 вылете на боевое задание. Его штурмовик, напигованный вражескими снарядами, и зажатый двумя немецкими фокс-вульфами, мог превратиться в летящий факел. Стрелку, изрешеченному осколками, на котором уже дымилась одежда, и сдачи на прощанье врагу нечем дать – пулемет пробит. И снова чудо – осененный последней надеждой, Боликов с силой запустил ракетницу в тупорылый нос миссершмидта, который, как от гранаты, в испуге шархнул в сторону, освобождая путь. С перебитой стойкой шасси, на одном колесе, дымя, штурмовик волшебным образом приземлился на родном аэродроме.

Уже на носилках, сняв шлем, пытался пригладить волосы, и клочок их остался в руке. Перспектива в 19 лет остаться лысым – огорчила. Дивизионный врач успокоил, что облысение временное, результат психотравмы. За годы войны Боликов столько раз погибал и возрождался, что все 55 лет, как отгремел салют Победы, 9 Мая считает своим вторым днем рождения. Собирает друзей, дачников острова, принимает поздравления как именинник.

А тогда, после войны сержант Боликов еще пять лет прослужил на Западной Украине. В родном Вяземском появился кавалер на загляденье – на груди ордена Отечественной войны первой и второй степени, несчетно медалей за отвагу. Но Боликову было не до жениховства. За восемь месяцев заочно с отличием окончил сельхозтехникум. А тут письмо приходит в отдел кадров исполкома, где он работал. Какой-то морячок разыскивал по всему краю девушку Славу, прибывшую после окончания донецкого техникума по комсомольской путевке. В поезде, мол, вместе ехали.

Отвечать воздыхателю поручили недавнему фронтовику. Обзвонил район. Нашел девушку на селекционной станции: «Вы что же своим кавалерам адрес не оставляете?». А она брови соболиные нахмурила: «Не водится таких». А потом встретились на краевой спартакиаде. Возвращались из Хабаровска в поезде, от окна не отходили...

Когда Виталий Петрович привел молодую жену в дом отца, ее поразило, что старый человек, простой крестьянин обращается к ней, девчонке, по имени-отчеству. Может от того, что свекор один воспитывал двух сыновей, внушил им: женщиной зажигаются лучшие дела и поступки и кроме нее по-настоящему не на кого опереться. Да и молодая жена одаривала ответным светом, умела ценить мужнины знаки внимания – букетик первых ландышей с заветной полянки. Удивляться неслыханному. Ну, например, возвращается муж из Крыма, куда был направлен врачами на излечение ран, бельишко уложил в сетку, а в чемодан, чтоб в нетронутости – желтые ялтинские розы, сохранившие росинки. А уж цветы полевые сопровождали ее все полвека совместной жизни.

Не бывает в семье абсолютно безоблачных отношений. Были дни непогоды и у Боликовых. Но модель жизнеустройства бывшего фронтовика – не приемлить сетований несчастливцев – была любовь да испарилась, не пытавшихся высечь из искорки костер, создавая надежный, негасимый домашний очаг. Семейное равновесие Боликовых, неизменная радость от присутствия друг друга – не подношение судьбы, а созидание ее. (2000 г.)

БЕРЕГИНЯ ИЗ ХАБАРОВСКА

[Все статьи](#)

На этот Новый Год елка в доме, наверное, стоять не будет. Как только выросли дети, в семье Мориных предпочитают обходиться еловыми ветками. А Новогодье грядет необычное – миллениум.

Девчонкой, в бараке, утонувшем в снегу, где близкие небо и звезды покоились на белых сугробах, только научившись считать, тихо мечтала дожить до незримого 2000 года, за которым открывается следующее столетие, как таинство восхитительной жизни.

Она – дитя военно-полевого романа, никогда не видела своего отца, героя войны, нахлебавшись холода, сиротства, жадно, хоть одним глазком хотела заглянуть в загадочное будущее. Согревая в ладошках замерзшую краюшку хлеба, – очередной отчим, на этот раз лесоруб, кстати, хороший человек, от зайчика принес, усердно на руках считала, сколько ей будет лет к началу нового века. Скажи Оле тогда, что она станет ученым академического института, познает тайны охраны природы, что ей выпадет благородный бубновый король, она будет жить без печки в высоченном доме с балконом, о каком и в книжках не читала, – не сказка ли, – захлопала бы в ладошки. Впереди, казалось, лежала уютная тропа с веснами и зимами, ведущая в третье тысячелетие.

Романтический флер ожиданий остался в доверчивом детстве. Реальная жизнь жестче, без серебряных фанфар. В ней много труда, несправедливости, боли, особенно остро это чувствуют экологи.

Кто бы мог предвидеть, что не пройдет и полвека, и первоизданная сила природы будет угнетена бурной, безалаберной деятельностью человека и за сохранение ее надо сражаться. И она, маленькая женщина, как говорит о себе «бегун на длинную дистанцию», но с внутренней убежденностью – ее дело стоящее, создает из равнодушных к природе девятиклассников научное общество учащихся (НОУ). По крупицам с детьми стремится создать экологически здоровую жизнь населения и малых городских речек.

Если без пафоса, испытав неуправляемый ветер перемен, не от хорошей жизни она оставила научный поиск в институте, где 20 лет проработала с бубновым королем, кандидатом сельхознаук, своим мужем и другом. Эти ветры перемен довели науку до такого безденежья, что ученые по полгода не получали зарплату. Безрассудно любя свое дело, Морины, привыкшие к аскетическому образу жизни, могли бы подтянуть пояс еще потуже. Но двое детей школьников. Их надо одевать, хотя бы дважды в день кормить. И один из супругов должен принести себя в жертву. Конечно, мать. К тому же у Ольги Михайловны, деликатного, застенчивого человека, открылся талант учительства.

В действующей при институте малой лесной академии, где старший научный сотрудник О.М.Морина проводила занятия, среди юных лесников не было безучастных. Это новое поколение выбирало не только «пепси». При ее сообщении: – почвы южных склонов широколиственного леса, где, солнца больше, на один градус прохладнее северных склонов – зажигались ребячьи глазенки, вспыхивало желание сейчас же хватать рюкзаки и бежать на край света. Они, юные, жаждали сами убедиться в подобном парадоксе природы, который уже исследовала ученый Морина, открыв, что дубовый опад обладает уникальным теплоизоляционным свойством.

В малой академии Ольга Михайловна открыла для себя, что учительство в такой области как природоохранная – наилучший вариант для методиста с весомым научным потенциалом. Пока наука, в силу социальных причин, дремлет, ее знания пригодятся юному поколению, кто уже сейчас предпочитает тусовкам, подворотням, вести учет птиц, проводить таксакацию древостоя, при первом дожде бежать за осадкомером, фильтровать десятки литров воды.

Узнала новое о нынешнем поколении, незнакомом: да, беспечней, но нет посредственностей и не лишены прагматизма, знают, что участие в НОУ – гарант стать студентом-бюджетником. Общась с детьми, разрешала для себя вечные вопросы педагогики: что первично – метод или личность, формировать душу или обустривать природу, чтобы в ней обитать по-человечески. И поняла – это двуединый процесс. Воспитывать в человеке разумного человека создающего – вот та вершина, к которой должен продвигаться педагог-эколог. Ольге Михайловне, с ее душевной щедростью, эрудицией, великодушием удалось создать в научном обществе школьников такую атмосферу, где личность, по словам Сухомлинского, чувствует себя, не только прутиком в венике, а неповторимым цветком в венке.

И уже много позже, когда ее воспитанники, не заглядывая в шпаргалки, на научных конференциях в присутствии доцентов, профессоров, как заправские ученые обосновывают, что основной фон осадков в Хабаровске, вопреки литературным источникам, слабо щелочной, а не кислотный, сердце ее наполняется теплой радостью.

Путь к подобным результатам изысканий лежит через многолетние исследования. Отбор проб проводится везде: близ дома, школы, у дороги, на экскурсиях, где, конечно же, детьми выбирается репрезентативный участок, как требует методика. Снег – непременно белой лопаточкой в белое ведро из пищевой пластмассы – чудом приобрела на ползарплаты. Каждый научный реферат многократно

обсуждается. В преддверие конференции рабочий день у Ольги Михайловны удваивается. И тогда к ней на помощь приходит вся семья Мориных. Виталий Александрович поставляет из своего института научную литературу с новыми методиками. Дочь Анна, молодая учительница информатики, расшифровывает ребячьи почерки, красиво набирая тексты на заимствованных компьютерах, чтобы работу было приятно взять в руки. А сын Сергей один за домашних вкалывает по выходным на кормилице-даче, где без ухода главных хозяев все запущено.

Венец труда – прикладное значение, например, мониторинга воздушного бассейна не заставил себя долго ждать. Из Дальневосточного управления по гидрометеорологии, где в сертифицированной лаборатории проводился химический анализ проб, пришло сообщение, что данные исследований, проведенные юными учеными, уже используются при составлении информационных материалов для краевых органов власти и управления.

Исследуя водные объекты Железнодорожного района, в Тополевском водохранилище и р. Черной было обнаружено столь избыточное содержание азота – (превышает ПДК в 30-50 раз), что хоть в набат бей. Да услышат ли? Но загрязненная река, где погибло все живое, пересекает экологическую тропу, имеющую все элементы ландшафта – лес, луг, поляны, реликты и эндемики.

На совете методистов краевого эколого-биологического центра долго убеждать коллег не пришлось. Организационные вопросы, а их тьма-тьмуца – от требования провести вакцинацию детей до организации бесплатного питания, конечно же, взяла на себя Морина. И вот уже подняты все природоохранные службы взрослых, приобретены перчатки, грабли, пошиты марлевые повязки, обеспечена доставка молока и более ста школьников со старанием и азартом приступили к акции «Прозрачная речка».

За три трудовых лета пройдено граблями три километра р.Черной, извлечены и вывезены десятки тонн бытового мусора. Дети воочию видели – вода светлеет, в ручьях появились мальки. Воздух стал чище, в туманные дни дышать легче, утверждали жители микрорайонов, кого интервьюировали дети, проводя социологические опросы населения по результатам акции

Неисправимо простодушный человек, Ольга Михайловна не из тех, кто гонится за самоутверждением. Однако, исходя из педагогической формулы «мотивация и стимулирование», ринулась на поиски средств для поощрения участников акции. Не найдя их, в дни отпуска и по ночам на 80 страницах изложила ход реализации проекта «Достойную жизнь населению и малым городским речкам» благотворительной некоммерческой организации ИСАР. И одна из 20 претендентов выиграла нелегкий конкурс. Дальневосточный совет экспертов программы малых грантов с емким названием «Завтра начинается сегодня» принял решение профинансировать проект О.М. Моринной.

Для участников акции «Прозрачная речка» это был ликующий, большой праздник. В торжественной обстановке сто детей получили фирменные футболки, кепки и пузатые пакеты с такими экзотическими вкуснятинами, что, как они говорили: «ни в жизнь не пробывали».

В промежуточных отчетах грантодателям О.М. Морина хотя и пишет о светлых перспективах дальнейшей акции по очистке бассейна Амура, но не обольщается, ибо повседневно сталкивается с «лампочковым» отношением окружающих к создаемому ребячьими руками. Задумала близ школы № 77 на детской территории создать обучающую площадку. Заложили с детьми из кружка «Лесная экология» опыт по стратификации семян ореха маньчжурского, калины Саржента, ореха кедрового, а там новую теплотрассу провели. И после воскресного пикника отдыхающие побросали пластиковые бутылки в очищенную речку. Ну, просто руки опускаются. Но этот «бегун на длинную дистанцию», упрям. И Морина близ теплотрассы создает модель кедрового леса с саженцами белой, желтой липы, ясеня, дуба, рядышком высаживает по норвежской технологии 50 саженцев лиственницы сибирской. К очистке рек Красная, Чернушка подключает волонтеров, будущих инженеров-лесников, студентов младших курсов технического университета. И по принципу непрерывного образования ведет детей от младшего школьного звена к университетской аудитории с обязательным участием в работе экологических бригад.

Какие бы препятствия в наше торопливое время не возникали, тренер международной программы «Глоуб», хабаровская берегиня О.М. Морина являет собой нравственную непреклонность и верует – XXI век неизбежно должен стать природоохранным.

Каждая человеческая судьба неповторима и в некотором роде уникальна, как у А.Ф. Шпилько – одного из сотни тысяч бывших фронтовиков-дальневосточников. Но мы не станем рассказывать о его боевом и жизненном пути. А вместе с Александром Феоктистовичем вспомним Хабаровск военных лет, каким он запечатлелся в памяти молодого красноармейца в 1944 году и до Дня Победы.

Пассажирский пароход «Ильич», дымя трубой и неустанно шлепая колесом по амурской волне, шел до Николаевска семь суток. Но на вторые сутки молоденький сержант, недавний командир роты автоматчиков Александр Шпилько, возвращавшийся с войны, обнаружил, что вещмешок разрезан и довольствие, полученное в Хабаровске на пересыльном пункте, – буханка хлеба и банка тушенки исчезли. В вещмешке осталась лишь дюралевая расческа, подарок для мамы. В третьем палубном классе набилось человек сто. Искать воришку бесполезно. Пришлось все дни трюмной жизни довольствоваться бесплатным кипятком.

Эту поездку Александр предпринял, чтобы уверить родителей, что жив. Правда, не совсем здоров – инвалид. Да еще не известно, когда свидятся. Свои планы на мирную жизнь, - а то, что войне скоро конец, сержант ни на миг не сомневался, - он связывал только с Хабаровском. С трудоустройством были сложности, а как им не быть, если у Шпилько один рукав гимнастерки в кармане. И все-таки в полюбившемся городе на Амуре работу себе нашел и записался в 8-й класс вечерней школы № 34.

Шел 1944-й год. После огненных дорог Курской дуги Хабаровск, хотя жил по законам военного времени, но с его патриархальной тишиной, буйными цветниками показался сержанту маленьким раем. Шпилько обошел весь город с дымящимися днем и ночью трубами заводов им. Молотова, Орджоникидзе. Насчитал пять деревянных мостов через речки Плюснинку и Чердымовку, столько же лестничных сходов, пешеходных мостиков, и несчетно поломанных городских тротуаров.

А первое, что предпринял фронтовик после боев и госпиталей, оказавшись в мирном городе – пошел в баню. На улице Запарина очередь в два этажа, в мужской зал народу раз в пять меньше - позже понял, почему это. Но пришлось долго ждать, когда распахнутся на дверях портьеры под бархат и банщица крикнет: «Следующий!». Из банного отделения выходили такие же красноармейцы или инвалиды, как он, или командировочные. В фойе в кадках стояли фикусы, а на влажной с подтеками стене, как ни странно, картина Айвазовского «Девятый вал». Гул от женских разговоров, ребячьей беготни заполнял тесные, темные коридоры. Запомнилась сцена: в фойе появилась женщина с грустными глазами, и визжащей девчонкой лет шести в одном тапочке. Оказывается, шли по мосту через речку, поцанка провалилась в щель – нога в кровоточащих занозах, а тапочек унесла Чердымовка. Очередь окружила воющую девчонку, оказывая первую помощь.

Несмотря на то, что вместо мочалки приспособил кусок портянки, и, к счастью, сохранился с госпиталя обмылок, горячая вода в тазиках доставила неизъяснимое наслаждение, ведь не мылся по-настоящему, считай, с начала войны. Приглядевшись к остальным, понял, почему так долго моются хабаровчане. И тоже украдкой, чтоб не заметила банщица - было запрещено, состирнул бельишко, когда еще в таком изобилии будет горячая вода. Выходя из городской бани, почти счастливый, удивился, девчонка, как ни в чем не бывало, уже прыгала и скакала с перевязанной ногой и одним тапочком в руках.

Только позже, вникнув в городскую жизнь, открыл для себя, население Хабаровска составляли в основном – женщины-красноармейки и дети, чьи отцы на войне. Воспитанные на нужде, пацаны бойко торговали водой, цветами, добывали на станции уголь. Из мужчин - командировочные да инвалиды, досрочно вернувшиеся с боевых позиций, искалеченные, с культяшкой вместо руки, как у него. Без ног на тележках. И все жаждали лишь один бесценный продукт - хлеба.

За одну буханку с базара нужно было выложить его месячную пенсию по инвалидности, 220 рублей. Льгот бывшие красноармейцы не имели и с вечера занимали очередь за хлебом. Пайки жестко

регламентировались: детям и безработным – 300 граммов в сутки, служащим – 600, рабочим – 800 граммов, по государственной, считай, копеечной цене. Ему, как ученику бухгалтера полагалось 600 граммов хлеба, но отовариться было непросто. Хабаровчане, проживающие в центре города от речки до речки могли получить хлеб всего в трех хлебных магазинах.

Это в декабре 1947 года, когда отменяют карточки, откроют 46 новых магазинов, киосков, ларьков, их них 29 хлебных. А до этого счастливого момента, если ночью не стоишь в очереди, и не пришел отметить, можешь и не мечтать о пайке. Милиционеров никаких не было - за порядком следили добровольцы, самые бедовые женщины. И ни толкучки, ни потасовок. Как только подъезжала лошадь с фургончиком, сладостно пахнущим хлебом, очередь после бессонной ночи оживала, резво подтягивалась – пропускали по шесть человек. Самые сострадательные не оставались равнодушными к инвалидам, особенно к тем, кто на тележках, их пропускали в первых «шестерках». Все это видел Александр Шпилько. Раненую руку на перевязи он прятал под бушлат, а пустой рукав заталкивал в карман и в сострадании не нуждался – это такое счастье быть на своих ногах. Где-то гремит война, а здесь, вечером, в полутемном Хабаровске с керосиновыми лампами, водокачками можно пойти в «Гигант» в «Совкино», где показывали фильмы «Сердца четырех», «Броненосец Потемкин».

В столице края действовало пять театров. В музкомедии шла «Фиалка Монмартра» и «Табачный капитан». Гастролирующие Харьковский русский театр, Карело-Финский, Иркутский, Благовещенский - занимали площадку театра драмы. Первый свой театральный сезон открыл театр юного зрителя сразу тремя премьерами «Осада Лейдена» Штока, «Женитьба» Гоголя и сказкой «Хрустальный башмачок». А еще был театр клуба УНКВД. Кто был зрителем – неведомо.

Александр предпочитал Госцирк – зрелищное передовое учреждение, где на арене выступал «Карандаш», а самое замечательное в программе – французская и русская борьба. У шапито было три входа – центральный, веселый, иллюминированный цветными лампочками для зрителей на первые ряды и два боковых - полутемных с шаткими, высоченными лестницами, где от людского натиска трещали перила. Оберегая руку, Александр терпеливо дождался внизу контрамарку.

Для командира роты автоматчиков А.Ф Шпилько знаменитой 65-й Армии, принимавшей участие в невиданных по размаху и ожесточению боях на Курской Дуге, война закончилась Городокской наступательной операцией. В дерзкой атаке командир Шпилько повел свою роту на штурм врага, укрепившегося на небольшой высотке, - потом он скажет: «Горячим был мой автомат». Разрывная вражеская пуля пронзила предплечье командира, разорвав артерию. Маскхалат надулся кровью, плетью повисла левая рука. После семи операций и полугодового лечения в госпиталях, сержанта признали негодным к воинской службе и выдали белый билет. Шел ему двадцатый год.

У паренька была одна мечта - стать курсантом школы военных техников (ШВТ), водить паровозы, но куда ему с одной рукой. Даже не приняли в Хабаровский автопарк, состоящий тогда из 30 автобусов. Все они стояли на приколе, не было запчастей, лишь два красных выходили на линию. А техника влекла Александра. Попытался устроиться в недавно созданный «Гордорстрой» - здесь работало всего пять человек, а требовалось в десять раз больше. Город остро нуждался в благоустройстве – мосты, переходы, городские тротуары в аварийном состоянии. Чтобы привести Хабаровск в порядок, создавались Гуровские бригады. Город находящийся вдали от полей сражений не должен быть обузой у государства в трудные военные годы, благоустроить его собственными силами – с такой инициативой выступила стахановка артели «Родина», мать двух сыновей фронтовиков Устинья Гурова. В гордорстрое Шпилько снова постигла неудача. Управляющий так и сказал: «Прости, сержант, но за грейдер я тебя, однорукого, не посажу».

В вышедшем в 1944-м году постановлении Совнаркома о трудоустройстве инвалидов войны речь шла в основном о тех, кто с руками, ногами и мог стоять у станка, инвалидах 111 степени. И ничего не было сказано о таких, как Шпилько. Мало того, что война сделала его инвалидом, она лишила паренька мечты, пришлось идти в бухгалтера. И хотя места в школе военных техников для него не нашлось, ему все-таки удалось пофорсить в настоящей шинели курсанта ШВТ. Бушлат сержанта износился до крайности, а тут раздавали гуманитарную помощь. Шпилько достался неслыханный презент – бобриковое, почти новое пальто. Владелец его американец, не иначе капиталист, был явно тучным господином, так что Александр утонул в дорогой обновке. И без сожаления обменял бобрлик на шинель курсанта ШВТ с блестящими пуговицами и петличками. В ней он отплясывал на танцплощадке в парке

ПКО, где по выходным собиралась хабаровская молодежь, над рекой разносились звуки лирического танго «Утомленные солнцем» и ни одна девчонка не отказала ему, однорукому парнишке в робком: «приглашаю на танец».

Впрочем, когда пришла последняя военная, особенно суровая зима, сидя в не топленном классе, где даже чернила замерзали и шинелька не согревала, - из-за холода верхнюю одежду ученики не снимали, не без сожаления вспоминал бобриковое пальто.

Для получения аттестата в вечерней школе, как и в дневной, допускались к экзаменам учащиеся, имеющие по поведению непременно пятерку. Проблем с поведением у фронтовиков-инвалидов, составлявших большинство класса, не было: к учительницам-ровесницам относились с благоговением, и за три года учебы не было пропущено ни одного урока, если не считать дня Победы.

Эту ликующую весть недавний боевой командир встретил до обидного в будничной ситуации – шагал по безлюдному берегу Чердымовки в комбинат бухгалтерских курсов. С улицы Театральной с криками «Победа!» выскочили, пританцовывая, два летчика, и завидев незнакомую, согнутую бабку, кинулись ее целовать. А в Хабаровске происходило что-то невиданное – все горожане, стар и млад, более 60 тысяч со всех концов, не сговариваясь, шли на площадь Свободы – плач, смех, объятия. Рокот самолетов. Победное гудение их моторов, вспыхнувшие в небе сотни разноцветных ракет, музыка оркестров. Ликование продолжалось до глубокой ночи. (2000 г.)

ВСЕ ТАЙНЫ В НАС, В НАС СУМРАК И РАССВЕТ

[Все статьи](#)

Этот Новый год они вряд ли будут, как это было раньше, отмечать на своей любимой даче, где лесная елка, снежинки, упоительный зимний воздух – годы уже не те. Но утром, как всегда, 68-летняя Владилена Михайловна наденет спортивную шапочку и сделает свои обязательные семь кругов по Уссурийскому бульвару. Потом бассейн. Дома ее встретит таинственная, непостижимая музыка Шнитке. Муж Петр Максимович включит люстру-ионизатор Чижевского и в их комнату незримо проникнет чистейший горный воздух. А за столом будет ждать, по словам хозяев, прекрасный завтрак – кисель Изотова, овощной омлет «Сюрприз» и в честь Нового года они выпьют по паре ложек синего йода.

Не странно ли? Космическая музыка, странные кисели, йод, горный воздух в квартире пенсионеров. Но это еще далеко не все, чему может подивиться непосвященный и чем живет семья сторожил-хабаровчан Молотовых. А направляют они свою жизнь в непростое русло триединства, когда тело, мысли, душа друг с другом в ладу. В гармонии. Возможно ли такое? У Молотовых это получается, ибо они доверяют целительной силе природы, равнодушны к роскоши, умеют радоваться жизни и размышляют, например, о роли славян в мировой цивилизации. Или обсуждают последнюю статью Станислава Лема и вовлекают меня в этот незавершенный спор:

- Гениальный поляк пишет, что с древних времен человек в своих устремлениях по существу не изменился. Главная его целевая установка на века – борьба за выживание в примитивном смысле слова, - горячится Петр Максимович. – Это что же, духовное совершенствование человека – пустые разговорчики. Ненасытные низменные человеческие потребности, одерживая победу над духовностью, приводят в тупик современную цивилизацию. Я не призываю всех к аскетизму, ходить босиком по снегу, неделями голодовать, как это делают «Ивановцы». В этом учении есть, конечно, изюминка – чистота помыслов. Но фанаты - это аномалия. Они агрессивны к другим религиям.

- А вы, Петр Максимович, во что веруете?

- Верю в собственные силы. И, конечно, в Того, кто управляет Вселенной. Кто это? Господь Бог или Внеземной Высший Разум? Теория Дарвина – чушь. Мы, возможно, дети, ветвь Высшей цивилизации на Земле. И что же эти «дети» вытворяют друг с другом на этой планете Земля. Видеть и читать больно. Люди уверены, что деньги – необходимое условие счастливого существования.

- А почему бы нет? С помощью денег многого можно добиться.

- Сегодня вы богаты, завтра – бедны, жизнь она такая. Но даже при больших деньгах, все свои проблемы вы не решите. Болезни, разочарования, одиночество, неизъяснимая тоска. Единственное, что

вам никогда не изменит и будет опорой – духовная наполненность. Это кто же написал: «Лучше прийти с пустым рукавом. Чем с пустой душой». Дух, душа – это все рядом. К примеру, мне не дает покоя версия, что религия привнесена, дана человеку одновременно с его поселением на Земле. Читаю Библию – мудрая и рудная для меня, атеиста, книга, но чувствую: все в ней обращено ввысь, к небу, в космос. Действительно ли у религии внеземное происхождение? В этом надо как следует разобраться. И я, погружаясь в книги, в предчувствии откровений мудрецов, испытываю прилив сил, бодрости, необъяснимое наслаждение.

- Однако в нашем больном обществе сегодня людям не до земного или внеземного. Им бы на кусок хлеба заработать, да чтоб квартплату не повысили.

- Это вы о «новых бедных»? Как ни прискорбно, позвольте представиться, мы из этого племени

- Помилуйте, Петр Максимович. Ваша супруга, историк 30 лет отработала в вузе. Вы закончили два высших учебных заведения, кандидат наук. В недавнем прошлом ректор института народного хозяйства. И тоже бедняк?

- Еще какой! - В разговор вступает Владилена Михайловна. - От прошлой трудовой жизни у него осталась грамота за личной подписью Черного, два перенесенных инфаркта, да вот эта полупустая квартира. У нас, вы видите, нет ни ковров, ни приличной мебели. Да мы никогда и не стремились к роскоши. А к тому же у нас дети, внуки. Им помогать надо.

- Как и у многих стариков, пенсия – единственный источник существования. Но лишь биологического, - подчеркивает Петр Максимович. - Нехватку его мы компенсируем полезной, природной пищей. Хотя не отказываем себе, например, в селедочке с рынка, за пять тысяч рублей за килограмм, но собственного посола. Хуже другое, мы не можем, как раньше, выписывать любимые журналы, покупать книги. Но и здесь приспособились. Обмениваемся с друзьями. У нас разработана сложная схема книжного обмена. Сбоев не дает.

- А кто же ваши друзья?

- Зожевцы.

- ?!?

- Единомышленники по «ЗОЖ» – здоровому образу жизни. Те, кто борется с болезнями, старостью, за долгую, энергичную, радостную жизнь. И поверьте, получается

- Каким образом? Научите, Петр Максимович. Так хочется хоть лучика радости и уж, конечно, крепкого здоровья.

- Прежде всего, ваше тело должно быть легким. Не носите в себе завалы шлаков, а для этого почаще обращайтесь к практическому очищению и восстановлению организма. Книг по этой тематике – в каждом ларьке. Мы также отслеживаем новейшие открытия медицины, улучшающие здоровье. Так мы открыли для себя витофон. Помогает излечивать гипертоническую болезнь, травмы, остеохондроз, трофические язвы. Идея его в том, что жизнь – это форма вибрации. Главную работу в организме выполняют капилляры. Микроциркулятор повышает их тонус, омолаживает клетки. Вот, посмотрите, как все это делается.

Петр Максимович что-то включает, переключает, мягко зажужжали приборы. И вдруг комнату заполняет органная музыка Баха. Она успокаивает, уносит ввысь, делает тебя беспричинно счастливым.

- Все лечебные процедуры мы делаем под космическую музыку

- Откуда же такие чудо кассеты, вон их целая стопка!

- Выписываем из Казани, где процветает совместное предприятие с Калифорнийским университетом. Музыка – наше хобби. Здесь мы уже денег не жалеем.

- Петр Максимович, я слышала удивительную вещь, что вы в предпенсионном возрасте поступили учиться в медицинское училище.

- Мы сидели за одной партой с женой. Но узнали в крайкоме, - как так, ректор экономического вуза и учащийся медучилища. И отсмеявшись, потребовали, чтобы Макаров меня отчислил.

- А вы, Владилена Михайловна?

- В свои 53 года успешно закончила вечернее отделение, даже старостой группы была. И хотя у Петра Максимовича нет диплома, он полный курс анатомии, физиологии прошел со мной.

- Что же вас, кандидата наук подвигло сесть за парту?

- Вот вы, как все, удивляетесь. В вас говорит стереотип мышления. Вы не хотите, не умеете понять, что каждый человек должен жить по потребности души. Никогда не поздно расширить горизонты видения мира и человека в нем, направить свои мысли к роскошной ветке познания себя, своих возможностей, и даже переиначить свою жизнь, если силы есть и опять же душа того просит. Не надо ничего бояться. После войны, я, инвалид второй группы, задался вопросом – от кого зависит моя дальнейшая судьба, кто гарант моего счастья. Перечитал кучу мудреных книг. Вроде все склоняются к тому, что я сам. И вдруг нашел точные, емкие строчки философа-поэта Владимира Соловьева «Пойми, пойми, все тайны в нас. В нас сумрак и рассвет». Я занялся десятиборьем, победил недуг. И сейчас, когда не то что лучший кусок жизни прожит, а вся лента ее, считай, промелькнула, так хочется умудрить человеческое общество, вооружить плодотворным оптимизмом, что не все еще потеряно. Да кто же меня послушает кроме тех, кто при бедности, в одиночку сражается за радость, свежесть благоухания жизни. (1996 г.)

ПРИКОСНОВЕНИЕ К ДОБРОТЕ

[Все статьи](#)

По странному стечению обстоятельств в этом подъезде дома, что на улице Фрунзе, живут в основном одинокие, престарелые женщины, бывшие учителя, инженеры, на 20 квартир - один 70-летний старик. Не столь давно у каждой из них была молодость, беспокойный семейный очаг. Но вот пролетели годы. Дети выпорхнули из родительского гнезда. Мужья, у кого позже, у кого раньше – на печальном погосте (статистика по демографии неумолима). И остались бабушки доживать свой некроткий век. Но по ухоженности, порядку их подъезд, не знает себе равных в городе.

В домоуправлении на жильцов подъезда не нарадуются, – здесь жалоб не бывает, лишь обращаются за получением расчетных книжек, хотя, как и во многих хабаровских квартирах, бачки засоряются, трубы текут, розетки отваливаются. Как же выходят из трудного положения старушки? Они не спешат за слесарем, – не дождешься, а звонят в квартиру № 12, Т.А. Пронь.

К работникам жилищно-коммунального хозяйства Татьяна Александровна никакого отношения не имеет. Все дело в том, что у этой сорокалетней, красивой женщины руки и сердце – золотые. Столь редкое сочетание – драгоценная находка для одиноких бабушек, за что они неустанно благодарят судьбу.

Сама же Татьяна Александровна всем своим непростым рисунком жизни усвоила, что у каждого человека есть шанс нести добро слабым, немощным. И использует этот шанс столь безоглядно, щедро, бескорыстно, что у зачерствелых скептиков вызывает недоумение. Судите сами.

86-летней Марии Михайловне, что на 4-м этаже, перед сном нужно обязательно измерить давление. Недавняя вдова Вера Иосифовна решила сделать перестановку, без помощи не обойтись. Сверху, в потолок стучит бывшая фронтовичка. Стремглав к ней, не случилась ли беда. Нина Владимировна человек деликатный, лишний раз беспокоить не будет. Недавно перенесла очередной инсульт. И целый месяц, по вечерам, Татьяна была для нее сиделкой.

Какие только неприятности не подстерегают старого, одинокого человека – и ночь страшит, вдруг сердце откажет и в гололед костыль не защита от падения. Ни одного из девятнадцати стариков не обошли подобные неожиданности. И всегда рядом Татьяна – безотказная скорая помощь на дому. Она ограждает жильцов и от коммунальных проблем.

У Татьяны Пронь, много лет проработавшей инспектором Гостехнадзора, всегда под рукой набор инструментов – от ножовки по металлу до круглозубцев. По профессии она – механик, что называется, технарь. Когда приехала в этот дом в центре города, удивилась: по темному подъезду с выкрученными

лампочками шастали неизвестные личности, на лестничных площадках под зажигалку распивали спиртное и бог знает, чем занимались, не давая покоя.

Против установки металлической входной двери с кодом бабушки возражали, – память слабеет, зрение на цифры никудашнее, в родной подъезд не попадешь. Татьяна изобрела новую конструкцию панели звонковых кнопок, дрелью по металлу крупным шрифтом «написала» номера квартир, к каждой аккуратно протянула кабель. На лестничных площадках вмонтировала «противоугольные» лампочки, сплела для них из проволоки плафоны.

Установить «глазок» в двери, заменить розетки, устранить течь трубы, навесить оборвавшуюся гардину, прочистить засорившуюся раковину – кто это будет делать за бесплатно, да еще уборку за собой. Вот почему престарелые жильцы боготворят необыкновенную соседку.

Откуда в ней это соучастие, бескорыстие, обостренное чувство доброты. В современном мире, когда все чаще пробуждаются в людях недобрые черты бесстыдного эгоизма, жадности и повсеместного пренебрежения к «расплодившимся» старикам, человек без пресса фанатичной религиозности, подобный Татьяне Пронь, воспринимается почти как аномалия. Откуда она такая взялась? Что движет ею?

На удивление, обаятельная, с черными бровями взлет и при улыбке с ямочками на щеках, она шутливо говорит о себе: «Я дальневосточница с Украины, со ставропольским образованием». А в переводе – Татьяна родом из украинской глубинки. Закончила факультет механизации Ставропольского сельхозинститута, где когда-то учился всем известный Михаил Горбачев. По распределению в 1980 году приехала в Бабстово, сельхозтехникум. Преподавала электротехнику, физику, вела мотокружок. Ее заметили на краевом совещании. Редкий случай, женщина – классный механик. И пригласили работать в Хабаровск, в агропромышленный комплекс. Пять лет снимала углы, прежде чем получила эту квартиру. Все мечтала привезти в Хабаровск свет в окошке – маму. Да запоздало собственное жилье, 80-летняя Оксана Семеновна стала нетранспортабельной

Скоро уж четверть века Татьяна – на Дальнем Востоке и каждый год по весне едет в Белокуракино. Помочь матери вскопать огород, поправить изгородь, подлатать крышу – с первых отпускных сама заменила соломенную, на шиферную. Из живности у старушки – две кошки. «Ще мое богатство». Правда, времена наступили такие, что на дорогу приходится копить деньги два-три года. И это до отчаяния удручает Татьяну, самозабвенно любящую мать. Зная, что следующая встреча будет нескоро, записала ее голос на магнитофон, и когда сердце не унять от тоски и тяжелых предчувствий, слушает родной голос, плачет, молит Бога, чтоб старушка дожила до новой весны.

Возможно, вот эта живая, неугасимая любовь подбрасывает топливо соучастия в Татьянину душу, формируя повседневную модель поступков – помощи слабому, обездоленному. А быть может подспудно, на интуитивном уровне видит в каждой немощной соседке, кто на спуске жизни, свою мать. И бегая по аптекам в поисках нужного лекарства, выстаивая в «Ветеране» очередь за яблоками, подешевле, для своих подопечных, размышляет не без мистицизма: «Может и моей одинокой маме кто-то там кружку воды подаст». Но понятие «ты – мне, я – тебе» чуждо Татьяне. Здесь другое.

Из десяти лет, что живет в этом доме, лишь считанные дни, когда оставшиеся без крова молодые матери с детьми, попавшие в беду, не находили бы у нее ночлег, уют, заботу. И тогда ее однокомнатная квартира превращается в мини-общежитие. А тут узнает, что молоденькая сотрудница, даже не подруга, решила родить ребенка. Для себя. В отделе кадров находит ее адрес, – живет на окраине города и... переселяется к ней. Встречает с цветами из роддома, стирает пеленки, поднимается ночью на плач, сплела гамак и на балконе закаляла малыша. Вот так полгода моталась через весь город на работу мимо своей квартиры.

От бабушек узнала, – в соседнем подъезде ограбили квартиру. Хозяйка недавно похоронила мужа, на руках двое малолетних детей. Татьяна Александровна, сострадая, терзалась – как, чем помочь ограбленной вдове, чтоб не ранить гордость незнакомой, некогда обеспеченной женщины. Мальчуганам ранцы купила и через тех же бабушек передает: «Скажите, что от Санта-Клауса».

У нее редкое чутье на несправедливость. Муж знакомой Валентины Н. покинул семью. При разделе имущества он забрал автомобиль, гараж, алименты платит ничтожные. Судьба малышек не давала ей покоя. Татьяне остро памятно, как отец бросил их, пятерых. А она единственная, как, младшая, получала от него алименты 6 руб 32 коп. Из них 12 копеек мама давала ей на сто граммов

халвы. «Безбатченко» – безотцовщина рядом с обездоленностью. Ради детей Валентины оббивала пороги суда, налоговой инспекции, нашла умного адвоката. Алименты дети стали получать по фактическому доходу отца.

В свое время, сетуя на жестокий, равнодушный мир людей, Марк Твен писал со свойственным ему юмором: «У Всевышнего, очевидно, не хватило солдат, чтобы делать добро». Справедливо, таких людей немного. Но они есть, в нашем городе тоже. Почитаю за честь быть знакомой с Татьяной Пронь, а кому выпала удача быть ее другом, тот, считай, выиграл счастливый лотерейный билет. (1998 г.)

ШЛА ПО УЛИЦЕ ЖЕНЩИНА

[Все статьи](#)

Дело было вечером. Делать было нечего. Не детишкам – милым цветкам жизни из безоблачных стихов С. Михалкова. А молодым людям значительно выше молочной зрелости. Имена их, биографические данные, по нижеописанным причинам, неизвестны ни жертве, ни милиции. Нет, они не оскорбляли прохожих, не грабили, тем паче не убивали. Двое рослых парней, модно одетых невинно фланировали по улице Серышева и своим благопристойным видом не вызывали у пешеходов тревоги.

Между тем, каждый, кто в тот весенний вечер оказывался в 5-10 метрах от этой вальяжно гуляющей пары, мог подвергнуться опасности, а точнее, газовой атаке. Впрочем, прохожих было немного. А среди них – немолодая, усталая женщина. Татьяна Александровна возвращалась от своей бывшей коллеги одинокой, больной старушки, которую опекала, и так задумалась, что когда ей в лицо небрежным жестом бабахнули газовым пистолетом, ошеломленно замерла. А потом пришла острая боль.

- Я не могла сообразить, что происходит. Лицо, глаза залиты, - рассказывает Т.А. Пронь. - Такая адская боль, будто серной кислотой плеснули.

Крича, звала на помощь. Мимо шли люди, смеялись, шутили, проезжали машины. Но на зов никто не откликнулся. Это было, пожалуй, самое нестерпимое. И тогда, нащупав ногой бордюр, она присела, рыдая... Кстати, по утверждению специалистов, не пулевые пистолеты, предназначенные для самообороны, заряжены такой ядовитой силой газа, что слабого человека сбивают наповал, так что нескоро поднимется. Татьяна Александровна – физически сильный, крепкий человек, много лет водила «Москвич», без мужской помощи могла отремонтировать свой автомобиль и не робкого десятка. Но здесь, то ли от коварного безмотивного нападения – сумка с документами под рукой, то ли от боли, обиды за людское равнодушие, - сила духа оставила ее.

Сколько она просидела на бордюре под шум проезжающих автомобилей, отходя от болевого шока, – не помнит. В голову лезли недобрые мысли: страх потерять зрение, бессильное возмущение на немыслимую жестокость молодых мерзавцев, а главное – до какой жизни мы дожили, что к чужой беде люди абсолютно равнодушны, неужто живем среди глухих, незрячих. Но нет. На запоздалое счастье притормозила машина, муж с женой, пенсионеры, возвращались с дачи. В «бардачке» их «Москвича» нашлись глазные капли. Возмущенный случившимся водитель остановился у ближайшего телефона-автомата и позвонил «02». Невозмутимый, как и положено, голос дежурного милиции, столь же невозмутимо пояснил, что слишком поздно обратились, нарушителей вряд удастся задержать. Настырный дачник напомнил, что, возможно, хулиганы продолжают постреливать в прохожих. Но этот здравый аргумент дежурным был игнорирован: еще бы, в Хабаровске убийства каждый день, а тут, видите ли, такая малость – газовым пистолетом молодежь балуется. Диспетчер по «03» также отказал потерпевшей в первой медицинской помощи, порекомендовал: «Будет хуже, тогда вызывайте». Куда уж хуже?

Конечно, врач может облегчить физические страдания. А кто же исцелит от душевной травмы? Реальная действительность, темные волны неразберихи изрядно расшатали гражданам не только нервы, но и понятия о добре, отзывчивости. Мир людей без этих качеств бесцелен и даже опасен, ибо тогда произвол, цинизм будут праздновать викторию. Подойди прохожий к потерпевшей сразу же, услышав

крики о помощи, наглые стрелки не остались бы безнаказанными и жертва нападения не испытала бы это пустынное чувство незащищенности. Увы, не случилось.